

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, НГУ)

Гуманитарный институт
Кафедра отечественной истории

Направление подготовки 46.03.01 – История

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА

Климановой Юлии Евгеньевны

Тема работы: **Междоусобица в восприятии Николая I и его окружения**

«К защите допущена»

Заведующий кафедрой,
д. и. н., проф.

Зуев А. С. / _____

« » _____ 2018 г.

Научный руководитель

д.и.н., проф.
кафедры отечественной истории

Гурьянова Н. С. / _____

« » _____ 2018 г.

Новосибирск, 2018

Оглавление

Введение	3
Глава I. Период междуцарствия в интерпретации Николая I	12
1.1. Характеристика периода междуцарствия	12
1.2. «Записные книжки» великого князя Николая Павловича как исторический источник	26
Глава II. Междуцарствие в восприятии окружения Николая I.....	42
2.1. Официальная версия событий междуцарствия: Николай I – редактор книги М.А. Корфа «Восшествие...»	42
2.2. Междуцарствие в воспоминаниях и эпистолярном наследии ближайшего окружения Николая I.	53
Заключение	70
Список источников и литературы	73

Введение

Период междуцарствия в отечественной истории занимает особое место. Уникальная ситуация династического кризиса предшествовала выступлению 14-го декабря 1825 г. – первой попытки изменить государственный строй, публично заявив об этом. Тема междуцарствия не нова для исторической науки, но до сих пор, чаще всего, она рассматривалась в исследованиях, посвященных изучению движения декабристов. Это свидетельствует о ее важности для осмысления событий, произошедших на Сенатской площади.

Событийная канва периода междуцарствия восстановлена достаточно полно. После научного издания «Записных книжек» великого князя Николая Павловича, которые дополнили ряд опубликованных ранее воспоминаний, сочинений мемуарного характера, а также эпистолярного наследия царской семьи и ближайшего окружения будущего императора Николая I, появилась возможность охарактеризовать, каким образом воспринимали происходящее главные участники событий, которые исследователи определяют как династический кризис. Этим обусловлена **актуальность** темы работы. Этот аспект научной проблемы остается малоизученным, хотя он позволяет уточнить некоторые детали событий, предшествующих выступлению 14 декабря.

Степень изученности темы.

В дореволюционный период работы, посвященные поставленной проблеме, носили преимущественно официальный характер и не отличались глубоким исследовательским анализом, останавливаясь лишь на описании событий. Таким было сочинение Н. Г. Устрялова «Историческое обозрение царствования государя императора Николая I», изданное в 1847 г¹. Оно представляет собой очень краткую характеристику событий периода междуцарствия, так как автор преследовал цель сделать только обозрение царствования Николая I.

¹ Устрялов Н. Г. Историческое обозрение царствования Государя Императора Николая I. – СПб: В типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1847.

В 1857 г. было издано сочинение М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I-го»². Его работа создавалась по прямому указу и при участии императора Николая с целью сформулировать официальную точку зрения на события декабря 1825 г. История создания и подробная характеристика данного труда будут даны во второй главе.

Подобный характер носит и труд Н. К. Шильдера «Император Николай I. Его жизнь и царствование», выпущенный в 1903 г. и состоящий из 2-х томов, в которых описана жизнь Николая I с рождения и до подавления польского восстания 1831 г.³. Автор привлёк к работе много эпистолярных и мемуарных источников, в том числе письма и дневники самого Николая и его родственников, а также разных государственных лиц. В 1-ом томе Н. К. Шильдер очень подробно описал события периода междуцарствия. Автор преследовал цель написать биографию императора Николая.

Постепенно авторы начинают отходить от официоза. Первой из таких работ, выделившей проблему восшествия Николая I на престол в отдельную тему, стала работа Г. Василича «Восшествие на престол Императора Николая I», опубликованная в 1910 г.⁴. Автор данного труда отводит периоду междуцарствия большую роль и значение, и, несмотря на то, что Г. Василич опирается в своей работе на труды Н. К. Шильдера и М. А. Корфа, он обращает особое внимание на проблему странного, по его мнению, поведения главных действующих лиц этого периода – Александра, Константина и Николая. Автор пытается, анализируя источники и события, относящиеся к исследуемому периоду, ответить на вопрос, насколько необходимо было держать семейные сделки в тайне.

Судьбой императора Николая I заинтересовался русский историк и археограф М.А. Полиевктов. В 1914 г. свет увидел его сравнительно небольшой по объёму труд «Император Николай I»⁵. Автор не привлекал к своему исследованию такого большого количества источников, как это сделал Н. К. Шильдер. В работе события

² Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I-го. Составлено по высочайшему повелению статс-секретарём бароном Корфом. Третье издание (первое для публики). Санкт-Петербург, 1857 // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). – М.: Наука, 1994. С. 207 – 314.

³ Шильдер Н. К. Император Николай I: Его жизнь и царствование: В 2-х т. – СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1903. Т. 1.

⁴ Восшествие на престол Императора Николая I: В 2-х ч. – М.: Образование, 1910. Ч. 1.

⁵ Полиевктов М. А. Император Николай I. — СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1914.

жизни Николая и междуцарствия освещены очень кратко. Но, несмотря на это, автор попытался заново оценить те факты, которые предшествовали междуцарствию. Он ставит вопрос о малоизученности проблемы отречения Константина и назначения наследником великого князя Николая Павловича.

В послереволюционный период первой работой, посвящённой, в том числе, проблеме междуцарствия, стало сочинение А. Е. Преснякова «14 декабря 1825 года», изданное в 1926 г.⁶. Эта работа стала продолжением мыслей автора, высказанных в работе 1925 г. под названием «Апогей самодержавия», посвящённой царствованию Николая I⁷. В первой работе А.Е. Пресняков выдвигает точку зрения, что Николай создал легенду о внезапности получения престола. Автор исследования отрицает неосведомленность великого князя о его предназначении и утверждает, что такая легенда была удобна для Николая, так как она обосновывала характер его правления: судьбой ему была вручена власть, которую теперь он должен был беречь и охранять.

Видимо, пытаясь более полно обосновать эту точку зрения, А. Е. Пресняковым была написана работа, посвящённая восстанию декабристов. В результате анализа различных источников и документов он, как и прежде, приходит к выводу о том, что императору Николаю было известно о существовании бумаг, делающих его наследником. При этом автор одним из первых отвел особую роль графу М. А. Милорадовичу в создании ситуации, которая привела к междуцарствию. По его мнению, именно военный генерал-губернатор принимал важнейшие решения в тот период, в том числе, решение о присяге Константину.

После работ А. Е. Преснякова длительный период времени не издавалось значительных работ, посвящённых Николаю I или теме междуцарствия. Они начинают появляться в конце XX в. Одной из таких стала работа Я. А. Гордина «Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825», изданная в 1989 году⁸. В своей работе теме междуцарствия автор посвящает большой раздел. В целом, в своих рассуждениях он следует за А. Е. Пресняковым. Так, например, Я.А. Гордин, как и его предшественник, придаёт фигуре М. А. Милорадовича решающую роль. Особенностью данного исследования является то, что Я. А. Гордин описывает дни

⁶ Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1926.

⁷ Пресняков А. Е. Апогей самодержавия. Николай I. – Л.: Брокгауз-Ефрон, 1925.

⁸ Гордин Я. А. Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года. – 2-е изд., перераб. и доп. – Л.: Лениздат, 1989.

междоусобия, выстраивая своеобразную параллель между двумя мирами: миром царской семьи и миром декабристов. Это позволяет проследить, что происходило во время междоусобия в двух «лагерях». Автор даёт хронологию событий по дням, что значительно облегчает ориентирование читателя.

В следующем году свет увидела работа отечественного исследователя С.В. Мироненко «Страницы тайной истории самодержавия»⁹. Теме междоусобия Мироненко посвящает главу «Восстания могло не быть», в которой он отводит изучаемому периоду очень важную роль: выступления декабристов могло не быть, если бы Александр I обнародовал манифест о новом наследнике. Автор глубоко анализирует источники и их текст, что позволило ему убедительно охарактеризовать ситуацию, которая привела к междоусобице. Исследователь сделал акцент на том, что это уникальная ситуация: династический кризис произошёл при двух претендентах, которые отказывались занять престол. В 2016 г. С.В. Мироненко опубликовал новую книгу, в которой продолжил развивать высказанные ранее мысли по поводу исследуемого периода. Но теперь автор больше углубляется в проблему проведения Александром I реформ, ищет причины в отказе от них, а также показывает, почему у декабристов не получилось осуществить задуманное¹⁰.

Совершенно новый взгляд на исследуемый период даёт историк М.М. Сафонов. В своих статьях этот автор особо выделяет фигуру Марии Фёдоровны и пишет о существовании «немецкой партии», которая поддерживала её и стремилась осуществить свои планы, возведя вдовствующую императрицу на престол¹¹.

В начале нового века личность Николая I снова привлекает внимание – появляется много работ, посвящённых императору Николаю I и его эпохе. Описывая его жизнь, ни один из авторов не обходит стороной период междоусобия. В 2006 г. свет увидела биография Николая I, автором которой стал Л. В. Выскочков. В своих взглядах на период междоусобия он соглашается с мнением М.М. Сафонова¹².

⁹ Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: политическая история России первой половины XIX столетия. – М.: Мысль, 1990.

¹⁰ Мироненко С.В. Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. – М.: Кучково поле, 2016.

¹¹ См. подробнее: Сафонов М. М. Междоусобие // [Материалы к докл. конф., 19-22 июня 1995 г. / Редкол.: И.Я. Фроянов (отв. ред.) и др.]. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. С. 166 – 181; Он же. Константиновский рубль и «немецкая партия» // Сб. науч. ст.: К 60-летию проф. И. Я. Фроянова / Редкол.: В. М. Воробьев, А. С. Дворниченко (отв. редакторы) и др.]. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. С. 529 – 541.

¹² Выскочков Л. В. Николай I. – 2-е изд., доп. – М.: Молодая гвардия, 2006.

В 2012 г. в серии биографий «Жизнь замечательных людей» появилась ещё одна биография Николая I, теперь за авторством Д.И. Олейникова¹³. Автор, основываясь на мемуарах Николая Павловича, сформулировал мнение, что великий князь знал о переходе права на престол ему, но поскольку официальных бумаг на этот счёт не видел, присягнул в соответствии с порядком престолонаследия.

В работе московского историка Л.М.Ляшенко «Николай I. Случайный император» 2013 г.¹⁴ даётся новый взгляд на отношения между Александром I и Николаем Павловичем, которые уже затрагивались некоторыми исследователями. Автор привлекает мемуарные источники близких к царской семье лиц, показывая напряжённость отношений между Александром и Николаем. Именно в этом Л. И. Ляшенко видит главную причину действий Александра, который, по мнению исследователя, боялся, что брат затмит его в глазах окружающих и народа. В том же году свет увидела ещё одна работа этого автора, на этот раз посвящённая декабристам¹⁵. В ней автор повторяет уже высказанную ранее другими исследователями версию о решающей роли М. А. Милорадовича в создании ситуации, которая привела к междоусобице. Он не сомневается, что Николай принёс присягу Константину под давлением военных.

Раз за разом историки возвращаются к поиску причин, по которым Александр не захотел при жизни обнародовать манифест о смене наследника престола. Также как и предыдущий автор, пытается объяснить причины подобного поведения через отношения Александра и Николая историк А. Н. Боханов¹⁶. Помимо этого, он стремится оправдать и поведение Николая, который, по его мнению, хотел получить престол в соответствии с законом, руководствуясь чувством долга и совестью.

Монография Потаповой Н.Д. «Трибуны сырых казематов: политика и дискурсивные стратегии декабристов» получила отрицательные отзывы специалистов¹⁷. Автор представила период междоусобицы как очень важный этап не только в отечественной, но и в европейской истории.

¹³ Олейников Д. И. Николай I. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 339 с.

¹⁴ Ляшенко Л. М. Николай I. Случайный император. — Москва: АСТ-Пресс, 2013 .

¹⁵ Ляшенко Л.М. Декабристы. Новый взгляд. — Москва: АСТ-Пресс, 2013 .

¹⁶ Боханов А.Н. Император Николай I. – М.: Директ-Медиа, 2014.

¹⁷ Потапова Н. Д. Трибуны сырых казематов: политика и дискурсивные стратегии декабристов. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

В 2018 г. за авторством Л.В. Выскочкова вышла ещё одна работа¹⁸. Автор не отказывается от точки зрения М.М. Сафонова, но склонен считать, что Николай, как истинный «законник», действовал в соответствии с порядком престолонаследия. Помимо этого, в своей работе исследователь освещает николаевскую эпоху через личность императора, его деятельность и взгляды. Как и в предыдущей работе, Л. В. Выскочков стремится опровергнуть сложившиеся ещё с советской эпохи стереотипные взгляды на Николая I , как на «жандарма Европы» и «коронованного барабанщика».

Анализ исследовательской литературы, посвященной изучению периода междоусобицы, позволяет сделать вывод, что основные события этого времени охарактеризованы еще в XIX в. Современные ученые попытались по-новому интерпретировать события междоусобицы и привести новые факты. До сих пор отсутствуют работы, основанные на результатах комплексного анализа эго-документов с целью уточнить восприятие событий великим князем Николаем Павловичем и его ближайшим окружением. В этом заключается **новизна** квалификационной работы.

Объектом исследования является период междоусобицы в истории России, **предметом** – дневники, мемуары и эпистолярное наследие великого князя Николая Павловича и его ближайшего окружения.

Цель исследования – осуществить анализ дневников, мемуаров и эпистолярного наследия великого князя Николая Павловича и его ближайшего окружения с целью выяснить восприятие авторами событий междоусобицы. Цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Осуществить анализ источников личного происхождения, показав их информационный потенциал.
2. Охарактеризовать восприятие авторами мемуаров, воспоминаний, писем событий междоусобицы, рассматривая в контексте интерпретации их исследователями.

¹⁸ Выскочков Л.В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. – М.: Академический проект, 2018.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 27-го ноября, с момента получения известия о кончине Александра I, по 13-го декабря, когда Николай объявил в Государственном совете о своём восшествии на престол.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Санкт-Петербурга и Варшавы, где разворачивались основные события и находились главные действующие лица исследуемого периода.

Обзор источников

В работе использованы письменные источники документального и нарративного вида. К документальным относятся законодательные акты и манифесты. Особое место среди них занимает манифест о вступлении на престол императора Николая Павловича от 12-го декабря 1825 года, в который был включен манифест Александра 1823 г., а также переписка между Александром и Константином по поводу отказа Константина от наследования престола.

К нарративным источникам следует отнести дневники, мемуары и письма. Данные источники представляют собой эго-документы – такие источники, которые зафиксировали в тексте восприятие автором определённых событий, его мироощущение, эмоции и чувства. В работе использован дневник будущего императора - «Записные книжки великого князя Николая Павловича 1822-1825 гг.», научная публикация которых была осуществлена в 2013 году под редакцией к.и.н М.В. Сидоровой и М. Н. Силаевой¹⁹, а также «Записки» Николая I. Впервые текст записок полностью был напечатан в сборнике «Междоцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи» в 1926 г.²⁰, а затем неоднократно переиздавался.²¹ Источники, автором которых был Николай I, дают представление о восприятии им событий периода междоцарствия, а также о его личности.

¹⁹ Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822-1825 / Под ред. М. В. Сидоровой, М.Н. Силаевой. – М.: Политическая энциклопедия, 2013.

²⁰ Междоцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / Подг. к печати Б.Е. Сыроечковский. М.; Л., 1926. С. 10.

²¹ 14 декабря и его истолкователи. С. 317 – 341; Николай I. Муж. Отец. Император. / Сост., предисл. Н.И. Азаровой. – М.: Слово. 2000. С. 37 – 72; Николай Первый. Рыцарь самодержавия / Сост., вступит. ст. и коммент. Б. Тарасова. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 95 – 132; Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб.: Издательство «Нестор-История», 2007.С. 13 – 42.

К эго-документам ближайшего окружения Николая Павловича относятся «Воспоминания Михаила Павловича о событиях 14 декабря 1825 г.». Впервые его воспоминания были опубликованы в журнале «Минувшие Годы» за 1908 г., кн. 10, стр. 32 — 47, а затем вошли в сборник Б.Е. Сыроечковского²². К этой же группе источников следует отнести так называемый «Большой дневник» Александры Фёдоровны, супруги Николая I, который она вела в течение жизни. Её дневник позволяет уточнить некоторые события, а также проанализировать междуцарствие с точки зрения человека, который был наиболее близок к Николаю и другим членам царской семьи. Впервые её дневник был опубликован в сборнике Б. Е. Сыроечковского²³, а затем в 2000 г. в книге «Николай Первый. Рыцарь самодержавия»²⁴. В этих же сборниках были опубликованы дневники Марии Фёдоровны, которые, несомненно, также представляют интерес²⁵. Вдовствующая императрица оставила в дневниковых записях своё восприятие происходящих событий. К анализу привлечены и воспоминания принца Евгения Вюртембергского, племянника Марии Фёдоровны²⁶, в которых он не обходит стороной и события междуцарствия. Этот текст дает возможность уточнить некоторые факты и посмотреть на восприятие этих событий с точки зрения ещё одного лица, близкого к царской семье.

К группе повествовательных источников относится и эпистолярное наследие царской семьи. В сборнике Б. Е. Сыроечковского были собраны, переведены и опубликованы переписка между Николаем и Константином, Константином и Марией Фёдоровной²⁷. Особенно важна для данной работы переписка с Константином Павловичем, так как только в его письмах есть возможность уточнить мнение цесаревича по поводу происходивших событий и объяснение его действий.

Данные источники являются вполне объективными для решения научной проблемы, каким образом воспринимали события междуцарствия будущий император и его ближайшее окружение.

²² Воспоминания Михаила Павловича о событиях 14 декабря 1825 г. // Междуцарствие 1825 года... С. 49 – 61.

²³ Из дневников Александры Фёдоровны // Междуцарствие 1825 года... С. 80 – 93.

²⁴ Николай Первый. Рыцарь самодержавия. С. 210 – 229.

²⁵ Из дневников Марии Фёдоровны // Междуцарствие 1825 года... С. 94 – 103; Николай Первый. Рыцарь самодержавия. С. 229 – 242.

²⁶ Из воспоминаний принца Евгения Виртембергского // Междуцарствие 1825 года... С. 104 – 124.

²⁷ Из переписки Николая I и Константина Павловича // Там же. С. 140 – 147; Из переписки Константина Павловича и Марии Фёдоровны // Там же. С. 148 – 157.

Методология исследования

В работе используются общенаучные методы (описание, сравнение, анализ, синтез), а также исторические (историко-генетический, историко-сравнительный). Работа выполнена в рамках относительно нового исследовательского направления в отечественной историографии, определяемый в качестве персональной истории²⁸. Особое внимание в этом направлении уделяется анализу источников личного происхождения, которые запечатлевают индивидуальный опыт и его осмысление. Персональная история реконструирует не только личную жизнь и судьбу человека, но изучает формирование, развитие его внутреннего мира и восприятие им событий современности. Это история, показанная через историческую личность.

²⁸ Л.П. Репина. Персональные тексты и „новая биографическая история“: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение истории. Человек-память-текст: Цикл лекций / Отв. редактор Е.А. Вишленкова. – Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 344 – 360.

Глава I. Период междуцарствия в интерпретации Николая I

Период междуцарствия достаточно хорошо освещен в исследовательской литературе. Но работы, в которых излагаются факты и события этого времени часто обходят стороной то, что происходило в самой царской семье, вернее, как эти события воспринимались членами августейшей фамилии, а главное, великим князем Николаем Павловичем. Очень важно уточнить, что он чувствовал и думал, как проводил эти напряжённые дни. Научная публикация «Записных книжек великого князя Николая Павловича 1822-1825 гг.» предоставляет такую возможность.

Прежде чем перейти к вопросу, как воспринимал события междуцарствия Николай Павлович, необходимо дать характеристику данному периоду, основываясь на исследовательской литературе, дополняя сведениями из источников.

1.1. Характеристика периода междуцарствия

19 ноября 1825 г. в Таганроге неожиданно скончался Александр I. У него не было детей, поэтому по акту о престолонаследии 1797 г.²⁹, право на престол имел его брат Константин. Цесаревич к этому времени сумел добиться официального оформленного отказа, что оставалось тайной для общества. Это спровоцировало уникальную ситуацию, получившую название междуцарствие.

Константин Павлович состоял в браке с великой княгиней Анной Фёдоровной, которая в 1801 году покинула Россию и больше никогда не возвращалась. Развод с ней Константину Павловичу удалось получить только в 1820 г.³⁰. В мае того же года Константин вступает во второй брак с польской графиней Иоанной Грудзинской. Так как брак был морганатическим, их дети не могли наследовать права на престол, но Константин оставался цесаревичем, т.е. наследником престола Российской империи. Он, как отмечают все исследователи, ссылаясь на воспоминания Николая, «имел природное отвращение к сему месту»³¹. М.А. Полиевктов отмечает, что Константин в разговоре с полковником Н.А. Саблуковым «тотчас после смерти отца <...>

²⁹ Полно собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 24. СПб., 1830. С. 589.

³⁰ Там же. Т. 37. С. 129.

³¹ Записки Николая I // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 317.

определённо заявлял, что если бы престол и достался когда-нибудь ему, то он, конечно, его не принял бы»³².

Подобные мысли цесаревич высказывал и брату Михаилу Павловичу в 1821 г., о чём Михаил позже рассказал в своих воспоминаниях. Он пересказал речь Константина так: «Не дай бог, чтоб нас постигло когда-нибудь величайшее несчастье <...> потеря государя; но если б этому суждено было случиться при моей жизни, я дал себе святой обет отказаться, навсегда и невозвратно, от наследственных моих прав <...> я твёрдо положил себе уступить престол брату Николаю, и ничто не поколеблет этой зрело обдуманной решимости»³³. Наконец, в письме к Марии Фёдоровне от 2 декабря 1825 г. Константин писал: «Моё решение принято, оно было принято 24 года назад»³⁴. Таким образом, цесаревич уже в 1801 г. решил для себя, что он никогда не будет царствовать, подтверждением чего являются высказанные им мысли по этому поводу в разговорах и письмах.

После полученного развода Константин Павлович стал предпринимать решительные действия в осуществлении своих планов по официальному оформлению отказа от права на престол. Зимой 1821-1822 гг., когда в Петербурге пребывала практически вся царская семья, Константин Павлович объявил о своём желании императору и Марии Фёдоровне. Михаил Павлович в своих воспоминаниях так передаст его рассказ об этом событии: «Я объявил государю и матушке мои намерения и мою непреложную решимость. Они поняли и оценили их, и государь обещал составить о всём этом акт, который сложится в четырёх экземплярах в Государственном Совете, в Сенате, в Синоде и на престоле московского Успенского собора, но которого содержание будет хранимо покамест в глубокой тайне и огласится тогда только, когда настанет нужное к тому время»³⁵.

В январе 1822 г. Константин официально обратился к императору Александру с письмом, в котором признаваясь, что, «не чувствуя в себе ни тех дарований, ни тех сил, ни того духа, чтобы быть когда бы то ни было возведен на то достоинство, к которому по рождению своему может иметь право»³⁶, просил брата передать это право тому, кому оно принадлежит после него, то есть, брату Николаю. В ответном

³² Полиевктов М.А. Указ. соч. С. 17.

³³ Воспоминания Михаила Павловича... // Междуцарствие 1825 года... С. 50.

³⁴ Из переписки Константина Павловича и Марии Фёдоровны // Там же. С. 151.

³⁵ Воспоминания Михаила Павловича... // Там же. С. 51.

³⁶ ПСЗ. Собр. второе. Т. 1. С. 3.

письме от 2-го февраля 1822 г. Александр от своего имени и от имени Марии Фёдоровны дал Константину «полную свободу следовать непоколебимому решению»³⁷. Но в данном письме имя нового наследника названо не было, и все переговоры о нём были окружены тайной. Даже Николай, как он сам утверждает в своих воспоминаниях, ничего об этом не знал. К тому же, Александр медлил с приданием отречению Константина официального характера.

Только в 1823 г. архиепископу московскому Филарету было поручено составить манифест о назначении наследником престола Николая Павловича. Представленный текст был собственноручно исправлен Александром и прислан обратно Филарету для хранения в Успенском соборе в запечатанном конверте вместе с двумя упомянутыми ранее письмами. Стоит обратить внимание, что изначально планировалось хранить манифест только в Успенском соборе. Но, как пишет в своих воспоминаниях архиепископ Филарет, ему данная мысль показалась странной: «Как восшествию на престол естественно быть в Петербурге, то как оно может быть соображено с манифестом, втайне хранящимся в Москве?»³⁸.

Как считают исследователи, по его предложению копии манифеста хранились, помимо Успенского собора, в Государственном совете, в Синоде и в Сенате. На пакете, доставленном в Совет, государь написал: «Хранить в Государственном совете до моего востребования, а в случае моей кончины раскрыть, прежде всякого другого действия, в чрезвычайном собрании». Похожие записи были на остальных пакетах. При этом, как справедливо отмечает современный исследователь С. В. Мироненко, манифест составлялся на случай внезапной кончины императора, чтобы не оставить Россию без наследника престола³⁹.

Казалось бы, желание Константина было исполнено: право на престол переходило к его младшему брату, Николаю. Но манифест не был обнародован и хранился в тайне, а значит, не имел законной силы. О нём знал небольшой круг лиц, но тот, кому полагалось знать, а именно, великий князь Николай Павлович, оставался в неведении. Отечественный исследователь Я. А. Гордин утверждает, что Николай прекрасно знал о манифесте, как и Мария Фёдоровна. Своё утверждение он

³⁷ ПСЗ. Собр. второе. Т. 1. С. 4.

³⁸ Филарет, митр. Воспоминания, относящиеся к восшествию на престол государя императора Николая Павловича [1845 – 1846 гг.] // Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. С. 133.

³⁹ Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. С. 85.

аргументировал тем, что тот круг лиц, который знал о манифесте (А.А. Аракчеев, А. Н. Голицын, Филарет, прусский принц Вильгельм, король Фридрих-Вильгельм, принц Оранский), был достаточно близок к Николаю, а значит, великий князь знал о существовании некоего акта, где он значится наследником престола⁴⁰. Но до того момента, пока манифест не был официально объявлен, для всех в Российской империи цесаревичем, наследником престола оставался Константин Павлович.

До сих пор исследователи расходятся во мнении о причинах, по которым Александр не обнародовал манифест. Я.А. Гордин считает, что Александр был нерешителен в своих действиях и «опасался выступления против себя с использованием имени великого князя»⁴¹. Такая точка зрения не подтверждена серьёзными аргументами, поэтому нельзя сказать, что автор предпринял глубокий анализ действий Александра.

С. В. Мироненко, пытаясь разобраться в странных действиях императора, обратился к анализу текста манифеста 1823 г. Сначала в нём излагались мотивы, по которым император не мог ранее назначить себе преемника – в царской семье всё ещё надеялись на рождение наследника. «Но чем более протекают дни наши, - сказано далее в манифесте, - тем более спешаем мы поставить престол наш в такое положение, чтобы он ни на мгновение не мог остаться праздным»⁴². Изложив причины затруднённого положения в наследовании престола, автор манифеста перешёл к объяснению ситуации, сообщив, что Константин Павлович «по собственному внутреннему побуждению» выразил просьбу передать право наследования престола тому, кому оно принадлежит после него.

Далее манифест гласил: «Вследствие того, - на точном основании акта о наследовании престола наследником нашим быть второму брату нашему великому князю Николаю Павловичу»⁴³. С.В. Мироненко справедливо заметил, что на этом манифест должен быть закончен. Но после этого следовало довольно длинное продолжение: «После сего мы остаёмся в спокойном уповании, что в день, когда царь царствующих <...> воззовет нас от сего временного царствия в вечность, государственные сословия, которым <...> сие законное постановление наше в

⁴⁰ Гордин Я.А. Указ. соч. С. 21.

⁴¹ Там же. С. 22.

⁴² ПСЗ. Собр. второе. Т. 1. С. 5.

⁴³ Там же.

надлежащее время по распоряжению нашему должно быть известно, немедленно принесут верноподданническую преданность своему назначенному нами наследственному императору»⁴⁴. Исследователь обращает особое внимание на фразу, что этот акт должен стать известен «в надлежащее время» по распоряжению Александра. По его мнению, это делало невозможным издание этого текста манифеста, поскольку прежде должен был быть опубликован ещё один акт, в котором говорилось бы о том же самом. Сделав такую приписку к тексту, Александр исключал возможность оглашения манифеста. С. В. Мироненко считает, что такие шаги делают только сознательно⁴⁵.

Л.М. Ляшенко в монографии «Николай I. Случайный император» высказал предположение, что причины сложившейся ситуации стоит искать в отношениях между братьями. Исследователь считает, что великий князь знал о манифесте, но боялся спросить о нем Александра, поскольку «ощущал его подозрительность и ревность к своему потенциальному преемнику»⁴⁶. Таким образом, на сегодняшний день нет однозначного ответа на вопрос о том, почему Александр не придал манифесту законную силу, обнаружив его.

Как уже было отмечено, манифест хранился в тайне, лишь немногие знали о существовании данного акта. Поэтому жизнь царского двора не изменилась, и всё шло своим чередом, пока 1-го сентября Александр с супругой не покинули Петербург и отправились в Таганрог, чтобы поправить здоровье императрицы. Во время своей поездки в Крым в ноябре 1825 г. Александр заболел, о чём через некоторое время стало известно в столице. Поначалу письма о состоянии здоровья императора не вызвали тревоги. 17-го ноября императрица Мария Фёдоровна получила от Александра только известие о лёгкой простуде.

Как сообщает Мария Фёдоровна в дневнике, 22-го ноября она получила письмо от Елизаветы Алексеевны, написанное 12-го ноября, в котором сообщалось о возобновлении у государя лихорадки, препятствующей ему писать. Выражалась надежда, что через несколько дней лихорадка спадёт. 25-го ноября Г.И. Вилламов, секретарь Марии Фёдоровны, получил письмо от генерал-адъютанта барона И.И. Дибича, написанное 15-го ноября. В нем начальник главного штаба, описывая

⁴⁴ ПСЗ. Собр. второе. Т. 1. С. 5.

⁴⁵ Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия. С. 87.

⁴⁶ Ляшенко Л.М. Николай I. Случайный император. С. 32.

усиление болезненного состояния государя, сообщал, что император по совету окружающих причастился. При этом автор добавил, что хотя медики не теряют надежды на благополучный исход, но они, тем не менее, находят положение государя опасным⁴⁷.

С этим известиями граф М. А. Милорадович явился вечером к великому князю Николаю Павловичу в Аничков дворец и вручил ему письма князя Волконского и барона Дибича. Этот вечер Николай описал в своих воспоминаниях так: «У меня ноги подкосились; я сел и прочёл письма, где говорят, что хотя не потеряна всякая надежда, но что государь очень плох»⁴⁸. Мария Фёдоровна тоже получила подобные известия и послала за Николаем. В воспоминаниях великий князь отмечал, что Мария Фёдоровна была в плохом состоянии, поэтому он «не решился её покинуть и оставался всю ночь <...> в камердинерской комнате сидящим». Николай сообщил о проведенной ночи следующее: «Ночью часто меня матушка призывала, ища утешений, которых я не в состоянии был ей дать»⁴⁹.

26-го ноября было получено известие об улучшении состояния здоровья Александра, снова выражалась надежда на благополучный исход болезни императора. В связи с этим, на 27-е ноября был назначен молебен за здравие государя в Большой церкви Зимнего дворца. События, которые произошли во время службы, описаны Николаем так: «Дверь в переднюю была стеклянная, и мы условились, что, буде приедет курьер из Таганрога, камердинер сквозь дверь даст мне знак»⁵⁰. Действительно, через некоторое время после начала молебна такой знак был подан и великий князь, выйдя из ризницы, увидел графа Милорадовича. Вот как Николай пишет об этом в своем дневнике: «По лицу его я уже догадался, что роковая весть пришла. Он мне сказал: «Всё кончено, мужайтесь; дайте пример», и повёл меня под руку; так мы дошли до перехода, что был за кавалергардскою комнатою. Тут я упал на стул – все силы меня оставили»⁵¹.

В этот день из Таганрога прибыл фельдъегерь с письмами от князя Волконского и генерал-адъютанта Дибича, извещавшими императрицу Марию Фёдоровну и Николая о кончине императора Александра, последовавшей 19-го

⁴⁷ Из дневников Марии Фёдоровны // Междуцарствие 1825 года... С. 97 – 98.

⁴⁸ Там же. С. 37.

⁴⁹ Там же. С. 38.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

ноября. Николай сразу принес присягу Константину Павловичу и распорядился о принятии присяги дворцовыми караулами, гвардейскими полками и ведомственными учреждениями.

У исследователей возникают вопросы по поводу принесённой присяги. По официальной версии, присяга была принесена Николаем из чисто благородных побуждений, соблюдая заведённый порядок престолонаследия. Эта версия, как будет видно далее, последовательно проводилась самим Николаем, который отрицал, что ему было известно о существовании бумаг, делающих его наследником, о чём упоминалось выше. Единственное, что свидетельствовало о его осведомлённости, это разговор, состоявшийся в июле 1819 г. между ним и Александром. В дневнике он сообщил, что император сказал ему, о возможности когда-нибудь стать императором, не назвав точный срок. После этого к этому разговору больше не возвращались⁵².

Некоторые исследователи сомневаются, что всё было именно так. Ещё в 1926 г. А.Е. Пресняков в монографии поставил под сомнение эту версию⁵³. Он первым особо отметил в этих событиях фигуру графа М. А. Милорадовича. Как считает Пресняков, когда 25-го ноября было получено известие о состоянии здоровья Александра, которое было неутешительно и заставляло подумать о дальнейших действиях, состоялось совещание генералов М.А. Милорадовича и А. Л. Войнова. Они решили оставить полученные сведения втайне от широкой публики и предпринять необходимые шаги в случае смерти императора.

В тот же день, по мнению исследователя, данная проблема была обсуждена с Николаем. Пресняков заметил по этому поводу: «Николай <...> впервые встретился с препятствием к своему восшествию на престол»⁵⁴. Автор считает, что Николай давно утвердился в мысли, что империя не может оставаться без государя ни на мгновение, и этим государем после смерти августейшего брата он видел именно себя, о чём и сообщил генералам. Но М. А. Милорадович не согласился с великим князем. А.Е. Пресняков так охарактеризовал его точку зрения по этому поводу: «Он держался мнения <...> перемена в порядке наследования никому официально неизвестна, и в случае смерти имп. Александра силы иметь не может; престол нельзя оставлять вакантным и создавать междуцарствие; надо исполнить государственный закон и без

⁵² См. подробнее: Записки Николая I // 14 декабря и его истолкователи. С. 317 – 318.

⁵³ Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. М., Л., 1926.

⁵⁴ Там же. С. 5.

всякого промедления присягнуть, кому надлежит, т.е. законом указанному наследнику - Константину»⁵⁵.

Свою версию о решающей роли М.А. Милорадовича А. Е. Пресняков подтверждает рассказом Р.М. Зотова, драматурга и театрального критика, который присутствовал при разговоре графа Милорадовича с другим драматургом, А.А. Шаховским. 27-го ноября, когда было получено известие о кончине императора, М. А. Милорадович посетил А. А. Шаховского, и между ними состоялся разговор о произошедших событиях. Генерал-губернатор сказал, что именно по его предложению была принесена присяга, хотя сначала Николай и колебался, ссылаясь на известия от Марии Фёдоровны, что существует пакет с подписью Александра, который необходимо раскрыть после его смерти прежде всех остальных действий. Р. М. Зотов передаёт слова Милорадовича так: «По государственному закону преемником престола император Константин, и мы сперва исполним свой долг, присягнём ему в верности, а потом будем читать, что благоугодно было повелеть нам императору Александру»⁵⁶. Данное свидетельство несколько противоречит информации А. Е. Преснякова: он утверждает, что всё было решено ещё 25-го ноября. Здесь же выясняется, что Николай выразил сомнения по поводу присяги только после известий из Таганрога.

В обоих случаях главным действующим лицом выступает граф Милорадович. Далее, рассказав Шаховскому о существовании акта, делающего наследником Николая, Милорадович выразил мнение, что сначала необходимо узнать решение Константина. Р. М. Зотов сообщал в своих воспоминаниях, передавая слова генерал-губернатора: «А до тех пор исполним свою обязанность и до получения ответа от него сохраним свою присягу, внушенную нам долгом»⁵⁷. На эти слова Милорадовича А. А. Шаховский отозвался, выразив мнение, что граф поступил смело, так как Константин мог настоять на своём отречении. Милорадович ответил, как описывает Зотов, ударив себя по карману: «Имея шестьдесят штыков в кармане, можно говорить смело»⁵⁸.

⁵⁵ Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. С. 5.

⁵⁶ Записки Рафаила Михайловича Зотова. IV – X. (Продолжение) // Исторический вестник: историко-литературный журнал. Т. LXV. СПб., 1896. С. 43.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

Это высказывание генерал-губернатора о количестве штыков Я. А. Гордин посчитал ключевым. Он отмечает: «Когда у тебя шестьдесят штыков в кармане, то и бумаги <...> можно не торопиться читать, и великий князь, у которого в кармане только вышеупомянутое завещание, но ни одного штыка, решит так же, как ты»⁵⁹. Исследователь считает, что Милорадович чувствовал себя диктатором и был им, имея поддержку генералитета и зная, что Николай непопулярен в гвардии.

Точку зрения Я. А. Гордина подверг критике М. М. Сафонов. По его версии, главным действующим лицом был вовсе не военный генерал-губернатор М. А. Милорадович, а вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. Как сообщает исследователь, 25-го ноября, после получения известия о критическом состоянии императора, в комнатах императрицы-матери состоялось совещание, в котором принимали участие, в том числе, М. А. Милорадович и великий князь Николай Павлович. Было решено, в случае известия о кончине императора, что Николай сразу присягнёт Константину. По мнению М.М. Сафонова, Мария Фёдоровна настояла на этом, поскольку «хотела завести династическую ситуацию в тупик, единственным выходом из которого было бы провозглашение её самодержавной императрицей»⁶⁰.

Поддерживая версию М. М. Сафонова, историк О. Эдельман опровергает точку зрения Я. А. Гордина о существовавшем генеральском заговоре во главе с М. А. Милорадовичем. По её мнению, любой заговор требует времени, Александр же умер внезапно. Поэтому промежуток между известием о предсмертном состоянии Александра и известием о его кончине был слишком коротким, чтобы генералитет смог составить и воплотить в жизнь политический заговор. Кроме того, она добавляет, что никто из столичного генералитета, включая самого М. А. Милорадовича, не был посвящён в тайную смену наследника престола. В связи с этим, у генералитета не было причин в составлении заговора, так как они не знали о «домашних сделках» царской семьи⁶¹.

Таким образом, на сегодняшний день нет устоявшейся точки зрения на причины, побудившие Николая присягнуть Константину в столь короткий срок. Некоторые авторы склонны считать, что Николай присягнул на верность императору Константину, потому что всё было решено заранее, и основное мнение в этом вопросе

⁵⁹ Гордин Я.А. Указ. соч. С. 27.

⁶⁰ Сафонов М. М. Междуцарствие // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 167.

⁶¹ Эдельман О. Воцарение с междуцарствием // Родина. – 2009. – №3. С. 68.

принадлежало не великому князю, а военному генерал-губернатору М.А. Милорадовичу. Другие же придерживаются мнения, что главным действующим лицом был не М. А. Милорадович, а вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, желавшая сама занять престол.

Важно, что после получения известия о смерти императора, Николай присягнул Константину, за ним то же сделали М. А. Милорадович и присутствующие при этом генералы. Затем был приведён к присяге внутренний и главный дворцовый караулы, а П. И. Нейдгарта, начальника штаба гвардейского корпуса, Николай послал в Александро-Невскую лавру, где находился для молебна гвардейский генералитет во главе с А.Л. Воиновым. Вскоре повсеместно полки стали присягать Константину. Мироненко заметил, что ещё современники этих событий обратили внимание на некоторое несоответствие: вместо гражданских властей первыми присягнули войска⁶².

После этого была организована присяга правительственных учреждений, прежде всего Государственного совета, который собрался после двух часов пополудни. Им было сообщено о завещании Александра, один из экземпляров которого хранился в Совете. Мнения присутствующих разделились: некоторые не склонны были знакомиться с завещанием, так как это, по их мнению, могло привести к неоднозначной ситуации. Они предложили не распечатывать пакет, а сразу идти присягать Константину. Но большинство решило иначе, пакет был принесён. Прежде чем начать чтение бумаг, ждали появление графа Милорадовича. После появления в Совете он сообщил, что Николай Павлович и войска уже присягнули цесаревичу, поэтому членам Государственного совета нужно последовать их примеру⁶³.

Большинство Совета настояло на чтении бумаг, хранившихся в пакете. Как отметил С.В. Мироненко, тем самым члены Совета оказались в двусмысленном положении: выполняя волю покойного императора, они противопоставили бы себя генералитету, гвардии, законному наследнику, который мог отказаться от своего прежнего решения⁶⁴. Было решено пригласить в Совет Николая, который, не будучи членом данного органа, считал не вправе являться в Совет. После уговоров, члены Совета сами явились к Николаю, который убедил их присягнуть новому императору.

⁶² Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. С. 90.

⁶³ Там же. С. 91.

⁶⁴ Там же. С. 91 – 92.

В Сенате уже было решено не вскрывать пакет с завещанием, и не знакомить с текстом манифеста сенаторов. Государственный совет присягнул, а за ним и Сенат⁶⁵.

С этого времени начинается период междуцарствия. Российское общество считает императором Константина, чеканятся монеты с его изображением, повсюду выставляются его портреты. Константин не желал принимать престол, ссылаясь на манифест. Он был верен своему решению никогда не царствовать. Так самодержавие создало династический кризис, спровоцировав, по мнению С.В. Мироненко, столкновение различных группировок в борьбе за власть. Константин не желал пользоваться своими правами, а противники Николая пытались помешать ему стать императором. Всё это с каждым днём усугубляло ситуацию⁶⁶. Семья попыталась добиться решительных действий от Константина. Лучшим вариантом был его приезд в Петербург и публикация манифеста, в котором цесаревич разъяснил бы сложившуюся ситуацию обществу.

В Варшаве уже 25-го ноября узнали о смерти императора. После полученного известия Константин присягнул Николаю и спешит написать официальные письма матери и брату, в которых напоминает о своём решении, принятом уже давно и официально закреплённом с согласия Александра и Марии Фёдоровны в соответствующем манифесте. Он пишет в письме к императрице-матери 26-го ноября: «Я <...> почитаю обязанностью моею право моё на наследие, согласно установленному государственному акту о наследии императорской фамилии, уступить его императорскому высочеству великому князю Николаю Павловичу и наследникам его»⁶⁷.

Николай 27-го ноября написал письмо Константину, в котором сообщает о принесённой ему присяге и выражает свои чувства по поводу кончины императора: «Как сострадаю я вам! Как несчастны мы все!»⁶⁸. В ответ цесаревич пишет 2-го декабря: «Моё решение – непоколебимо <...> Приглашение ваше приехать скорее <...> не может быть принято мною, и я объявляю вам, что я удалюсь ещё далее, если всё не устроится сообразно воле покойного нашего императора»⁶⁹. О своём решении Константин напоминает практически в каждом письме, как мы увидим далее. По его

⁶⁵ Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. С. 92.

⁶⁶ Там же. С. 93.

⁶⁷ Из официальной переписки членов царской семьи // Междуцарствие 1825 года... С. 128.

⁶⁸ Из переписки Николая I и Константина Павловича // Там же. С. 142.

⁶⁹ Там же. С. 143.

мнению, достаточно тех бумаг, которые были вскрыты в Совете. Именно в них указана воля покойного императора, которую он исполнил, присягнув Николаю.

Это, конечно, не могло облегчить положение в стране, так как того, кому принесли присягу, не было в столице. Константина всё ещё надеялись уговорить приехать и обнародовать своё отречение, о котором ещё не знали подданные. Николай 3-го декабря написал довольно эмоциональное письмо, рассуждая о существующем долге и зове сердца, которым он руководствовался, принося присягу. Он писал брату, что готов исполнить его волю, какой бы тяжёлой она ни была для него.

Ответ на это письмо пришёл в столицу только 12-го декабря. Оно стало последним письмом Константина за данный период. Вновь не дав утвердительного ответа, цесаревич добился своего: Николай решает уступить брату в этой «борьбе» за престол и принять его. Возможно, на его решение повлияло и известие о существующем заговоре, которое было получено в тот же день⁷⁰.

13 декабря была закончена работа над манифестом о вступлении Николая на престол, о котором он позаботился заранее, предвидя, что Константин от своего решения не отступит. С манифестом было решено опубликовать манифест Александра I от 16-го августа 1823 г., письма цесаревича и императора от 14-го января и 2-го февраля 1822 г. и письма Константина к императрице Марии Фёдоровне и к Николаю Павловичу от 26-го ноября 1825 г. Вечером 13-го декабря для оглашения решения Николая был созван Государственный совет. Видимо, перед заседанием или сразу после него Николай написал Константину: «Желания вашего высочества исполнены. Я вступил на ту степень, которую вы мне указали и коей, быв законом к тому предназначены, вы занять не восхотели. Воля ваша совершилась»⁷¹.

Так завершился период в отечественной истории, получивший название периода «междоцарствия». Это была уникальная ситуация в отечественной истории, так как при наличии претендентов никто не стремился занять российский престол. Для мировой истории обычно характерен другой вариант, когда за право занять престол идёт борьба между несколькими претендентами. Кого можно назвать виновником сложившейся ситуации? Безусловно, так или иначе, все главные

⁷⁰ См. подробнее: Гордин Я. А. Указ. соч. С. 135 – 140.

⁷¹ Из официальной переписки членов царской семьи // Междоцарствие 1825 года... С. 132.

действующие лица принимали решения, которые оказались судьбоносными для страны.

Александр по не совсем понятным причинам не обнародовал манифест об отречении Константина. Тот круг лиц, который был посвящён в эти «домашние сделки», тоже не посчитал нужным предпринять какие-либо действия, видимо, ожидая решения со стороны императора. Константин, инициировавший своё отречение, не желал подтвердить это лично, приехав в Петербург. Николай поспешил принести присягу новому императору, возможно, не без посторонней помощи. Так или иначе, данные действия привели к тому, к чему они привели – к междуцарствию, а за ним и к более значимому событию в отечественной истории – восстанию декабристов.

С проблемой междуцарствия связан вопрос о возникновении политической легенды, связанной с внезапной смертью Александра I, которая, естественно, породила слухи. Они стали распространяться в скором времени после его смерти. Одним из первых внимание на них обратил Н. К. Шильдер. Как он пишет, все они сводились в основном к одному: «Император Александр не умер в Таганроге <...> вместо него было похоронено подставное лицо, а сам он каким-то таинственным образом скрылся отсюда неизвестно куда»⁷². Как отмечает автор, слухи постепенно умолкли, но через некоторое время, уже в середине XIX в., возникли с новой силой и теперь были связаны с таинственным старцем из г. Томска, Фёдором Кузьмичём. Именно вокруг его фигуры стала складываться легенда о том, что под этим именем скрывается Александр Павлович, который всегда высказывал желание оставить трон и уйти в частную жизнь.

Первым предпринял попытку собрать факты, относящиеся к этой легенде, провести их анализ и сделать выводы, был великий князь Николай Михайлович Романов⁷³. Например, автор сообщает о любителях легенды, которые предполагали, что император скрылся за несколько дней до своей кончины, а вместо него в гроб было положено другое лицо. Великий князь привел многочисленные свидетельства в

⁷² Шильдер Н. К. Император Александр I: В 4-х т. – 2 изд. - СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1904-1905. Т. 4. С. 445.

⁷³ Романов, Николай Михайлович. Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Козьмича. – СПб.: А. С. Суворин, 1907.

виде воспоминаний очевидцев о болезни и смерти Александра Павловича, поэтому он отрицал легенду о Фёдоре Кузьмиче.⁷⁴

В новейшее время на данную проблему обратил внимание С.В. Мироненко. Отдав должное анализу в.к. Николая Михайловича, он обращает внимание на ещё один факт: если бы Александр решился на подобные действия, он бы позаботился упорядочением вопроса о престолонаследии, так как при жизни он не решился сделать это публично. «Но ничего подобного предпринято не было. Более того, никто из лиц, окружавших императора в последние его дни в Таганроге, даже не подозревал о запечатанных пакетах, хранивших тайну перехода престола от Константина к Николаю»⁷⁵, - пишет автор.

Несмотря на существование красивой политической легенды, в Таганроге умер император Александр, так и не обнаружив при жизни документы о передаче престола, спровоцировав тем самым династический кризис, получивший наименование «междуцарствие». В первую очередь кризис отразился на царской семье, и больше всего на великом князе Николае, который оказался в двусмысленном положении. Он помнил о разговоре с Александром, в котором император назвал его наследником престола, но, не имея на руках бумаг, подтверждающих это, Николаю Павловичу пришлось действовать по собственным убеждениям. В результате это ещё более усугубило ситуацию. В связи с этим необходимо уточнить, проанализировав личный дневник Николая, как он воспринимал происходящие события и свои собственные поступки.

⁷⁴ Романов, Николай Михайлович. Легенда о кончине императора Александра I... С. 35.

⁷⁵ Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. С. 98.

1.2. «Записные книжки» великого князя Николая Павловича как исторический источник

Николай сообщает в «Записках», что в 1819 г. Александр за обедом в семье Николая Павловича завёл разговор о будущем престола, заметив, что Константин имел «природное отвращение к сему месту»⁷⁶, т.е., не хотел занять престол, а сам Александр не имел наследников. К этому времени у Николая уже был сын Александр, а его супруга Александра Фёдоровна была беременна вторым ребёнком. Это стало одним из тех аргументов, которые Александр приводил, объясняя сложившуюся ситуацию. Николай передаёт слова Александра, который сообщил ему о том, что его семья может быть «призвана на сие достоинство»⁷⁷, т.е. он может стать императором. При этом, увидев, как Николай был поражён этой новостью, Александр постарался успокоить его и Александру Фёдоровну, уточнив, что они «должны <...> только привыкать к сей будущности неизбежной»⁷⁸. Как сообщает далее Николай, после этого разговора Александр больше не возвращался к данной теме, лишь изредка в личных разговорах намекая на этот вопрос, а сам великий князь старался избегать подобных разговоров. Николай в своих воспоминаниях отметил: «Матушка с 1822 года начала <...> про то же говорить, упоминая о каком-то акте, который будто бы братом Константином Павловичем был учинен для отречения в нашу пользу, и спрашивала, не показывал ли нам оный Государь»⁷⁹.

В данном случае важно, что Николай Павлович подчеркнул, что Мария Фёдоровна с 1822 г. в разговорах с ним упоминала об акте «отречения» Константина в пользу Николая. Действительно, именно данный факт можно связать с тем, что в 1822 г. Николай начинает вести записные книжки. Возможно, для него это был способ разобраться в происходивших событиях, в разговорах, в поведении близких, слухах и намёках, услышанных им, и осознать, таким образом, всё, что происходило вокруг. Ещё одну причину начала ведения записных книжек, по мнению отечественного исследователя Л. В. Выходкова, может быть, следует искать в особенностях характера и обучения великого князя. По меркам своего времени он

⁷⁶ Записки Николая I // 14 декабря и его истолкователи. С. 318.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

был хорошо образован, из гуманитарных наук выделял именно историю как «наставницу жизни». Так, термин «архив» применительно к своим бумагам, как отмечает исследователь, появился в лексиконе Николая Павловича, когда ему не исполнилось и 17-ти лет⁸⁰. Тем самым у Николая уже в очень юном возрасте сложилось собственное отношение к историческому документу, а также понимание важности фиксации тех или иных событий.

Не отрицая данную точку зрения, представляется более вероятным, что всё-таки не случайно Николай начал вести записные книжки именно с 1822 г., когда Мария Фёдоровна стала ему намекать о существовании манифеста. В своих записных книжках великий князь подробно записывает всё о событиях, произошедших с ним и его семьёй. Он фиксирует свои занятия в течение дня, встречи, поездки. Эти записи чаще всего сухие, однообразные, автор скуп на эмоции. Может даже показаться, что они не несут никакой ценной информации и это всего лишь перечисление фактов, имён и фамилий, топографических и географических названий. Тем не менее, они в полной мере позволяют получить представление о жизни Николая и его ближайшего окружения в период с 1822 по 1825 гг., поскольку описан практически каждый день с утра до вечера. Помимо этого, такая манера ведения дневника позволяет охарактеризовать личность и характер автора: его скрупулёзность и внимательность к деталям.

До вступления на престол Николай командовал гвардейской дивизией и исполнял обязанности генерал-инспектора по инженерной части. В связи с этим значительную часть записей Николай отводит, конечно, исполнению своих служебных обязанностей. В этом особенно ярко проявился характер Николая, который был известен своей любовью к военному делу и, особенно к порядку и дисциплине. В записях Николай фиксирует не только сам факт учений или инспектирования учреждений, но обязательно выражает свое отношение к происходящему, давая оценку. Чаще всего он делает это очень кратко, буквально одним словом или фразой. Например, 29-го января 1822 г. он записал: «На развод Преображенского, 2-ая фузилерная превосходна <...> в госпиталь, превосходно»⁸¹. На следующий день по поводу развода высказался одобрительно, но, по-видимому,

⁸⁰ Л. В. Выскочков. Записные книжки великого князя Николая Павловича как исторический источник // Петербургский исторический журнал. – 2015. – №3. С. 236.

⁸¹ Записные книжки... С. 25.

остался чем-то недоволен: «На развод на Орвиле, учил 1-ую карабинерную и 1-ую егерскую, довольно хорошо <...> учил мою роту, довольно хорошо»⁸². Еще более явно он выразил свое недовольство в записи от 7-го февраля 1822 г.: «На развод на Ватерлоо <...> развод посредственный <...> инспектировал 3-ю егерскую, очень недоволен»⁸³.

В подобных записях Николай не только указывал на свое впечатление от происходящего, но и описывал меры, которые он принимал, если замечал нарушения. 1-го февраля 1822 г. он сделал такую запись: «Ездил смотреть смену караула, плохо, разжаловал двух младших офицеров»⁸⁴. 27-го февраля он еще более подробно описал свои действия: «На Орлове на развод, 2-ая карабинерная и 4-ая егерская плохо, недоволен <...> отругал Толмачева и Норова, и Мандерштерна, посадил под арест Дюклу»⁸⁵. В данных записях просматривается, что Николай был приверженцем строгой дисциплины и порядка. О том, что он очень серьезно относился к любым нарушениям свидетельствует запись от 23-го декабря: «Уехал один в санях в одну лошадь, повстречал солдата Измайловского полка в беспорядке, приказал караулу из учебных у Арсенала арестовать его»⁸⁶. Вполне вероятно, что «в беспорядке» означало какое-то несоответствие внешнего вида солдата. Как видим, к подобным проступкам Николай относился очень строго, и от его внимания не ускользало ничего.

Иногда в «Записных книжках» Николай записывал более серьезные, по его мнению, нарушения, за которыми следовали не только аресты и выговоры, но и физическая сила. Так, крайне бурную реакцию у Николая вызвало неподобающее состояние солдата, по поводу чего он записал 8-го мая 1822 года: «Жалонер Измайловского пьяный, бью его и ломаю палку»⁸⁷. Стоит отметить, что тут же следует запись «поступил очень плохо». Видимо, Николай, записав о происшествии, тут же раскаялся в своём поступке и дал ему оценку. Подобная запись помещена под 27-м марта 1823 г.: «Сломал подаренную Ангелом шпагу, колотя ножнами

⁸² Записные книжки... С. 25.

⁸³ Там же. С. 28.

⁸⁴ Там же. С. 26.

⁸⁵ Там же. С. 34.

⁸⁶ Там же. С. 164.

⁸⁷ Там же. С. 57.

Афонасьева из 1-ой роты»⁸⁸. Как видно, в порыве гнева, Николай мог применять и грубую физическую силу.

Подобное недовольство, заканчивающееся рукоприкладством, Николай мог проявлять и к служащим царского двора. 13-го июня 1822 г. следует такая запись: «Оделся в полную генеральскую форму, разные непредвиденности при одевании, рассержен на Гримма, ударил его кулаком. Весьма дурно, раскаиваюсь»⁸⁹. В данной записи он уже не просто даёт оценку своему поступку, но также пишет о своём раскаянии и сожалении. Гримм что-то сделал не так. Это привело к применению силы, которое, возможно, было часто первой реакцией на произошедшее, за которой следовало осознание своего поступка и сожаление. Бурная реакция Николая на действия Гримма вполне объясняется его особым отношением к тому, как он выглядит. Судя по записям, Николай придавал большое значение своему внешнему виду, о чем свидетельствует запись от 22-го января 1823 г.: «Оделся для бала, плохо, отчаяние, больше часа занимался своим туалетом»⁹⁰. В данном случае Николай позволил себе даже эмоции, заметив «плохо, отчаяние». Это означает, что для Николая важно было хорошо выглядеть в обществе, и он уделял этому большое внимание.

Как видим, Николай в записях предстаёт педантичным человеком, для которого очень важно соблюдение порядка и дисциплины. Он предъявляет высокие требования к внешнему виду своих подчиненных и к собственному. Нетерпимо относится к любым нарушениям, отступлениям от установленных правил поведения и внешнего вида. Их несоблюдение приводило к наказаниям, а иногда и к мгновенной личной реакции, что могло доходить до рукоприкладства.

Выполняя свои служебные обязанности, великий князь часто совершал поездки. Так, 18-го января 1822 г. Николай сделал запись: «Уехал в 1 час пополудни»⁹¹. В комментариях к научному изданию записных книжек отмечается, что, действительно, Николай (вместе с Михаилом) отбыл в свою бригаду, дислоцированную в западных губерниях. В записях, относящихся к данным поездкам, великий князь записывал, что происходило в дороге, где он находился и чем

⁸⁸ Записные книжки... С. 211.

⁸⁹ Там же. С. 70.

⁹⁰ Там же. С. 180.

⁹¹ Там же. С. 23.

занимался в этот день, обязательно отмечал погодные условия. 19-го января следует короткая запись: «Чай в 8 часов в Ямбурге, погода сносная для саней. Обедал в Еве в 12 часов, чай в Дерпте в 9 часов вечера. Ночь ужасная, ветер и метель»⁹².

Целью подобных поездок обычно были смотры, разводы и учения войск. В записях Николай обязательно указывал род войск и свои впечатления от развода или учений. Например, 21-го февраля великий князь присутствовал на разводе 3-ей роты егерей 48-го полка⁹³. Николай уместил своё впечатление в одно слово: «Хорошо»⁹⁴. На следующий день Николай отправился на развод 1-ой карабинерной и 1-ой егерской рот. Они ему, по-видимому, не понравились, так как он записал: «Плохо»⁹⁵. 23-го февраля Николай сделал такую запись: «Дождь, тепло, очень хороша рота и 1-ая фузилерная при смене караула и дворца»⁹⁶. 25-го февраля Николай отметил, что «принимал ординарцев», затем «учил 2-ю и 30-ю роты Измайловского <...> инспектировал младших офицеров Измайловского»⁹⁷. В этот день Николай не забыл отметить погоду: «8-10 градусов тепла, дождь»⁹⁸.

Конечно, смотры, разводы и учения войск не занимали весь день великого князя – в записях во время поездок обязательно отмечались и другие события. Стоит отметить 28-е января. Помимо обычных дел по службе в этот день Николай записал: «Еврейская свадьба, еврейский бал в экзерцицзале»⁹⁹. В воскресенье, 5-го февраля, Николай провёл день не совсем обычно: «В коляске с Михаилом на бал в казино, толпа, грязная зала»¹⁰⁰. Имея хорошую память, Николай записал, с кем он в этот вечер танцевал: «Мало хорошеньких женщин, полонезы с г-жой Адам, Сулистровской и Бендерской, мадемуазель Ясинской, Гинц, Гедройц, Сулистровской и др.»¹⁰¹.

Будучи в отъезде, Николай и тогда не прекращал общения со своей семьёй: адресатами Николая была его супруга и близкие родственники. Об этом свидетельствуют записи такого рода: «Писал к жене»¹⁰²; «Писал к Императору и

⁹² Записные книжки... С. 23.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. 24.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. С. 25.

¹⁰⁰ Там же. С. 27.

¹⁰¹ Там же. С. 27.

¹⁰² Там же. С. 24.

жене»¹⁰³; «Писал к Матушке»¹⁰⁴. Также великий князь писал и к сёстрам, чаще всего к сестре Марии¹⁰⁵.

Записные книжки Николая позволяют выяснить окружающий его круг лиц, как во время поездок, так и в обычные дни в Петербурге. Так, в поездке в Западные губернии особенно часто Николай контактировал с И. Ф. Паскевичем, генерал-лейтенантом, впоследствии генерал-фельдмаршалом и наместником Царства Польского, который на момент ведения записей состоял при Михаиле Павловиче, с бароном и на тот момент генерал-майором Р. Ф. Розеном, со своими адъютантами А. А. Кавелиным и особенно с В. Ф. Адлербергом, которого он называл обычно Фламом.

Обращает на себя внимание, что Николай настолько детально описывал свои дни, что даже считал нужным указать, на какой лошади он отправился на развод войск. Например, 23-го января 1822 г. он запишет: «На развод на Орлове»¹⁰⁶. В другой день обязательно укажет: «На развод на Ватерлоо»¹⁰⁷. И это только те лошади, которые находились с ним в одной поездке, потому что за всё время ведения записок можно встретить достаточно много кличек лошадей, например, Роланд, Матильда, Леди Кисс, Александр, Лала Руки и т.д.¹⁰⁸.

Николай совершал поездки не только в пределах Российской империи, но и за границу. Например, с 24-го июля по 9-е августа 1824 г. Николай с супругой и приближёнными совершил морское путешествие на военном корабле «Эмгейтен» в Германию. 24-го июля он сделал запись: «Попрощались с детьми, с Матушкой и остальными, в 11 ¹/₂ на катере на Кронштадский рейд, общий салют, прямо на Эмгейтен»¹⁰⁹.

В своих записях, которые велись во время морского путешествия, Николай обязательно обратит внимание на погоду. Например, на второй день после начала путешествия, 25-го июля, Николай записал: «Дождь, встречный ветер <...> ветер стихает, по-прежнему встречный <...> ветер сильный»¹¹⁰. На следующий день

¹⁰³ Записные книжки... С. 24.

¹⁰⁴ Там же. С. 26.

¹⁰⁵ Там же. С. 27.

¹⁰⁶ Там же. С. 24.

¹⁰⁷ Там же. С. 26.

¹⁰⁸ Там же. С. 191, 200, 202, 229, 436.

¹⁰⁹ Там же. С. 446.

¹¹⁰ Там же. 446.

великий князь замечает: «Великолепное утро»¹¹¹. 29-го июля Николай записал: «Весьма свежо <...> погода становится всё сумрачней»¹¹².

Морское путешествие стало для великого князя и его приближённых испытанием здоровья. Уже на следующий день, 25-го июля, Николай запишет: «Морская болезнь, поднялся, едва поднялся, вырвало без желчи, все горничные больны, мои люди тоже <...> все дамы и княгиня Салтыкова больны»¹¹³. 29 июля следует такая запись: «Качка ужасная, все наши больны за исключением Крайтона <...> волна над кораблём, как на качелях»¹¹⁴. Николай обязательно обратит внимание на состояние супруги: «Жене её глаза не позволяют выйти, веки опухли»¹¹⁵. И на следующий день: «Крайтон у жены, правая щека и веки опухли <...> у неё морская болезнь <...> у жены, больна, очень сильно»¹¹⁶. 9-го августа 1824 г. Николай укажет, что приехали в Росток: «Любопытно видеть Росток <...> салют 21 пушечным выстрелом Великому герцогству Макленбургскому»¹¹⁷.

По записям Николая, как уже стало ясно из морского путешествия великого князя, можно проследить состояние здоровья его и членов семьи. Например, из них узнаём, что великого князя часто мучили головные боли, боли в сердце, он испытывал слабость. В Записных книжках типичными были указания такого рода: «Головная боль»¹¹⁸. В другой раз он описал свое состояние более подробно: «Много потел и болела голова, чувствую себя лучше, но сильная слабость»¹¹⁹. Другой вариант записи: «У меня болит голова и в сердце боли, чувствую себя плохо, Лейтен и Крайтон, даёт мне рвотное, стошнило четырежды очень сильно»¹²⁰. Николай часто обращал внимание на зубную боль: «У меня болят зубы»¹²¹. Иногда по этому поводу следовала краткая запись: «Зубная боль»¹²².

4-го ноября 1825 г. он уделит этой теме больше внимания: «Велю вырвать мне коренной зуб, неудачно, и потом ломает мне его и вырывает, мученическое

¹¹¹ Записные книжки... С. 447.

¹¹² Там же. 448.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же. С. 448.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же. 447.

¹¹⁷ Там же. С. 451.

¹¹⁸ Там же. С. 22.

¹¹⁹ Там же. С. 29.

¹²⁰ Там же. С. 110.

¹²¹ Там же. С. 527.

¹²² Там же. С. 657.

страдание»¹²³. На следующий день подобное произошло с сыном Николая, Александром, или как всегда называет его великий князь, с Сашей: «Сосерот, вместе к Саше, вытащить ему зуб, слёзы»¹²⁴. Особенно часто Николай пишет о состоянии здоровья своей супруги: «Жене дурно за обедом»¹²⁵. Или, например: «К жене, у неё болит голова»¹²⁶. Иногда можно проследить состояние здоровья Александры Фёдоровны в течение нескольких дней. Например, 7-го января 1822 г. Николай сделал запись: «Жена простужена»¹²⁷. На следующий день супруга Николая всё также больна, так как Николай записал: «Жена не выходит»¹²⁸. 9-го января великий князь отметил: «У жены по-прежнему насморк». Затем он записал: «Предположения о беременности жены»¹²⁹. 10-го января он продолжает фиксировать состояние супруги: «Жене лучше, но по-прежнему насморк»¹³⁰.

Помимо поездок, путешествий и состояния здоровья Николая, его записи запечатлевают очень личные моменты из жизни царской семьи. В сентябре 1822 г. у Николая и Александры Фёдоровны родился третий ребёнок, дочь Ольга Николаевна. Это событие нашло отражение в записях Николая. 30-го августа Николай пишет: «Жена разбудила в 2 часа, у неё боли, посылаю за Крайтоном <...> в 4 ч. ¼ разрешилась, без сильных болей и без криков, маленькой Ольгой. Да будет имя Господне тысячекратно благословенно за сие новое подтверждение его бесконечной благости»¹³¹.

Тяжёлыми стали для Николая дни октября 1823 г. В четверг, 11-го октября у Александры Фёдоровны, в это время снова беременной, начались боли. Николай запишет: «Послал за Крайтоном, похоже на преждевременные роды, Шарлотта, Вильгельм, иду предупредить Матушку <...> у жены, жена ложится, кровь, решено пустить жене кровь, делают, боли усиливаются, послал за Лейтенном и г-жой Гесс из города, и повитухой из Гатчины, боли усиливаются»¹³². На следующий день, 12-го октября, он констатирует: «В час жена родила мертвого мальчика, с недолгими, но

¹²³ Записные книжки... С. 661

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же. С. 96.

¹²⁶ Там же. С. 119.

¹²⁷ Там же. С. 20.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же. С. 21.

¹³¹ Там же. С. 110.

¹³² Там же. С. 291.

сильными болями, не кричит, делают всё, чтобы вернуть ребёнка к жизни, бесполезно!»¹³³. И в последующие несколько дней Николай сообщает, в каком состоянии пребывает его супруга¹³⁴.

В записях о членах семьи Николай предстаёт заботливым и проявляющим сочувствие человеком. Такие же чувства можно отметить у Николая и к некоторым приближённым. Ярким примером может служить описанный им случай с Гавриилом Карловичем Моденом, который с 1817 г. был гофмейстером двора великого князя. 8-го июля 1822 г. Николай делает такую запись: «Узнал о падении Модена, еду к нему в дрошках с Сашей <...> упал из кабриолета, ушиб голову и ногу, рана на голове, обе кровоточат»¹³⁵. После данного происшествия Николай каждый день навещает его. На следующий день он запишет: «Еду проведать Модена»¹³⁶, и через некоторое время снова: «Иду к Модену»¹³⁷. 10-го июля очередная запись великого князя на этот счёт: «К Модену, его рана на голове, ободряю его»¹³⁸. Судя по этим записям, Николай считал, что он не может остаться в стороне от случившегося, поэтому каждый день справлялся о самочувствии гофмейстера, лично посещая его.

«Записные книжки» великого князя Николая Павловича представляют большую ценность для исследователя, так как они позволяют практически в мельчайших подробностях проследить жизнь будущего императора и его семьи в те 4 года, когда решилась судьба престола. Несмотря на всю специфичность ведения записей, при их последовательном анализе можно найти много важного и уникального, ведь записи велись каждый день и фиксировали каждый шаг Николая, его встречи и дела, его действия и поступки, которые дают представление о его характере и личности будущего императора.

Самыми важным периодом, отражённым в записных книжках, является события междоусобия. Пожалуй, в данном случае трудно переоценить ценность данного источника. У исследователя есть возможность получить представление о происходящем в жизни Николая с 27-го ноября по 13-го декабря. Записи за этот период зафиксировали для исследователя перемены ведения их Николаем. Как уже

¹³³ Записные книжки... С. 291.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же. С. 83.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же.

было показано на многих примерах различных записей, они отличались лаконичностью и краткостью – для Николая достаточно было одного слова для описания своего настроения или впечатления. Великий князь был в записях немногослоен и краток, он предпочитал не выражать эмоции по поводу описываемых событий.

В связи с этим особенно бросается в глаза запись от 27-го ноября 1825 г. В этот день, когда в царской семье узнали о смерти Александра, Николай сделал приписку «Ужасный день» и обвёл данную фразу вместе с датой в рамку. Запись начата Николаем как обычно – описал встречи, дела, события: «Встал в 8, Перовский, Стрекалов, Гримм, говорил, к Матушке, ещё одевается, у себя, поехал в одноконных санях к себе, встретил по пути жену, вернулся к Матушке, Бенкендорф, с ним на смотр I-го батальона Семеновского, поднялся к Матушке, жена, на лестнице догнал Милорадович, всё в порядке, у Матушки»¹³⁹. Николай всё также краток в описании прошедшего дня. Судя по записи, он снова встречается с М. А. Милорадовичем. После этого запись меняет свой характер: «В библиотеке моего Отца, Милорадович, вижу по его лицу, что всё пропало, всё кончено, что нашего Ангела нет больше на этой земле! – конец моему счастливому существованию»¹⁴⁰. Эта запись свидетельствует, что Николай мог быть многословен и эмоционален: он очень близко к сердцу воспринял смерть брата, или Ангела, как он его всегда называл в записных книжках, и одного слова уже не достаточно, чтобы описать свои чувства и эмоции. И далее Николай описывает своё состояние так: «Шульгин меня поддерживают, не чувствую себя»¹⁴¹.

Известие о смерти императора произвело тяжёлое впечатление, конечно, не только на самого Николая. Поэтому в его записях обязательно отмечается состояние здоровья и самочувствие близких ему людей, особенно Марии Фёдоровны. Николай записывает, например, 29-го ноября: «Матушка спокойна»¹⁴². На следующий день царская семья побывала на службе в церкви, и великий князь снова отмечает состояние матери: «Матушка выдерживает всё с восхитительной твердостью»¹⁴³. 1-го

¹³⁹ Записные книжки... С. 674.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же. С. 676.

¹⁴³ Там же.

декабря Николай снова записывает: «Матушка спала хорошо, чувствует себя довольно хорошо»¹⁴⁴.

Так как императрица Елизавета Алексеевна на тот момент пребывала в Таганроге, царская семья в Петербурге получала от неё письма, что не оставил без внимания Николай, отметив и её самочувствие: «Вручаю письма Императрицы, чувствует себя хорошо, насколько это возможно»¹⁴⁵.

После получения известия о смерти брата Николай сообщает о своих действиях: «В сопровождении Милорадовича и Евгения в церковь принести присягу <...> принёс присягу на верность моему законному Императору, Константину, все делают то же, я подписываю и иду созвать караулы сделать то же»¹⁴⁶. После записи о принесении им присяги Константину он описывает процедуру приведения к присяге других: «Начал с пикета гренадер, рота Ангела Преображенская, рыдания и повиновение, также с кавалергардами»¹⁴⁷. Как следует из записей, в этот же день состоялось чрезвычайное собрание Государственного совета. Николая указывает, что члены Совета пришли к нему в бывшие комнаты Михаила, где он тогда находился, чтобы услышать его мнение по поводу вскрытого ими пакета с манифестом 1823 г. Этот момент и зафиксировал Николай: «В комнатах Михаила объявляю Совету, что не могу подчиниться роковому акту, который меня заставляют прочесть, без подтверждения от моего законного государя»¹⁴⁸. Дальнейшее он описывает кратко: «Убеждаю их пойти со мной в церковь, они приносят присягу в моём присутствии»¹⁴⁹. Затем Николай замечает: «Иду к Матушке, объявляю ей о конфликте»¹⁵⁰. Видимо, под конфликтом Николай имеет в виду первоначальное несогласие членов Совета подчиниться воле покойного императора. Далее он запишет, что присягу принесли гвардейские полки под начальством командующего Гвардейским корпусом: «Воинов с рапортом, что гвардейцы исполнили свой долг»¹⁵¹.

¹⁴⁴ Записные книжки... С. 677.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же. С. 674.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же.

Стоит отметить, что Николай в записи от этого же дня сам дал оценку произошедшему: «Уверенность, что всё прошло хорошо»¹⁵². В конце записи он ещё раз это подчеркнет: «Все в порядке и успокоилось, немного поужинал и выпил чаю <...> спал очень мало»¹⁵³.

В этот день Николай считает нужным оповестить других членов императорской фамилии о произошедших событиях – получении известия о смерти императора и принесении присяге Константину. После событий в Совете сообщает: «Вернулся написать Великой Княгине Веймарской, Королеве Нидерландской, несколько слов Марии, Королю Прусскому, Вильгельму Оранскому»¹⁵⁴.

Присяга была принесена, но новый император находился в Варшаве, поэтому в этот же день, 27-го ноября, Николай запишет: «Написал Константину ещё перед собранием Совета, и теперь отправляю Лазарева в Дубно найти моего брата и просить его приказов»¹⁵⁵. По-видимому, в царской семье были уверены, что Константин в скором времени должен приехать в Петербург, в связи с чем 29-го ноября великий князь сообщил в дневнике об отправке к брату его адъютанта Ф.П. Опочинина: «Опочинин, решено отправить его в Нарву ждать Константина»¹⁵⁶. Очевидно, многие полагали, что Константин находится уже в пути, и для его встречи и был послан адъютант. 2-го декабря Николай вновь пишет Константину, о чём находим подтверждение в записях: «Писал Константину»¹⁵⁷.

В столице также ждали и Михаила Павловича, который находясь вместе с Константином в Варшаве, одним из первых получил известие о кончине императора Александра. «Ложная новость о приезде Михаила»¹⁵⁸, - записывает великий князь 2-го декабря. Эта запись свидетельствует, что Михаила ждали с большим нетерпением, так как он один из немногих мог прояснить ситуацию с Константином и передать слова брата из первых уст. В записи от 3-го декабря Николай сообщает: «Дивов говорит мне, что Михаил уже приехал <... > Константин здоров, это всё, что он может сказать»¹⁵⁹. После приезда Михаила, он и Николай отправляются в Зимний

¹⁵² Записные книжки... С. 674.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же. С. 675.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же. С. 676.

¹⁵⁷ Там же. С. 678.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же.

дворец к Марии Фёдоровне, чтобы сообщить известия от Константина: «Матушка запирается с Михаилом, ждал в малом кабинете <...> Матушка меня зовёт, объявляет мне, что Константин настаивает на отречении от трона, официальное письмо на этот счёт»¹⁶⁰. Это очень важный момент, показывающий неопределённость в положении Николая, который всё ещё не мог принимать самостоятельных решений – он считал нужным посвящать во все детали Марию Фёдоровну. Даже Михаил, с которым у Николая наблюдались тёплые братские отношения, считает нужным сначала сообщить о мнении Константина матери, а не Николаю.

Мария Фёдоровна не была удовлетворена действиями Константина, так как Николай запишет в этот же день: «Матушка полагает, что с присягой надо подождать ответа»¹⁶¹. По-видимому, Михаил привёз от Константина и письмо Николаю, потому что затем он замечает: «Письмо Константина ко мне партикулярное и официальное, чтобы объявить меня императором»¹⁶². Также стоит отметить, что, судя по всему, в связи с тем, в царской семье пока решено было скрывать ситуацию с не желавшим являться в Петербург Константином – Николай после разговора с матерью записывает: «Договорились всё это скрыть»¹⁶³.

По сообщению Николая, 5-го декабря Михаила было решено отправить в Варшаву к Константину. В этот же день Николай фиксирует в записи: «Матушка решила потребовать от Константина приехать»¹⁶⁴.

Но Константин оставался решителен в своём намерении не приезжать в столицу: 7-го декабря царская семья получает известие от Константина, и Николай записывает в этот день: «Отказ Константина от присяги, сообщает мне, что уедет из страны, его письма достаточно для Совета»¹⁶⁵. Это, вероятно, вызвало разногласия между Марией Фёдоровной и Николаем, так как в тот же день он записывает: «Спорили, решили молчать до нового ответа»¹⁶⁶. Но новые ответы не приносили ничего нового. Так, 11-го декабря, после вскрытия пакетов из Варшавы, Николай отмечает: «Ничего нового»¹⁶⁷.

¹⁶⁰ Записные книжки... С. 678.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же. С. 680.

¹⁶⁵ Там же. С. 681.

¹⁶⁶ Там же. С. 682.

¹⁶⁷ Там же. С. 684.

Несмотря на то, что в царской семье всё ещё надеялись уговорить Константина явиться в Петербург, работа над проектом манифеста о вступлении Николая на престол началась с начала декабря. В комментариях к научному изданию «Записных книжек» авторы отмечают, что над манифестом Николай работал собственноручно. Редакция манифеста, составление введения и заключения к нему была поручена Н.М. Карамзину, а доработкой проекта, по советам М. А. Милорадовича и А. Н. Голицына, занимался М. М. Сперанский¹⁶⁸.

Уже с конца ноября Карамзин посещает почти каждый день Николая. В записи от 29-го ноября Николай записал: «Карамзин, говорил, превосходно, об Ангеле, о том, что меня заставило действовать так, как я поступил, одобрил меня, уходит»¹⁶⁹. Иногда посещения происходят по несколько раз за день, как, например, 30 ноября – в этот день фамилию Карамзина Николай фиксирует 4 раза¹⁷⁰. Карамзин был историографом при царском дворе и обладал авторитетом в высших слоях общества. Николай доверился ему и поручил, как уже было упомянуто, работу над редакцией манифеста, введением и заключением.

Непосредственная работа над текстом манифеста зафиксирована и в записях Николая, который уже 7 декабря отмечает в дневнике: «Написал черновик манифеста»¹⁷¹. При составлении манифеста в роли советчиков выступали Милорадович и Голицын. Например, 8-го декабря Николай записывает: «Милорадович, читаю ему проект манифеста, одобряет его <...> читаю Матушке проект, также одобрила его <...> Голицын, читаю ему мой проект, одобрил его, читает мне свой <...> велел Фламу сделать копию проекта»¹⁷². На следующий день, 9-го декабря, Николай читает проект манифеста Карамзину, который вносит изменения: «Карамзин, читаю ему мой проект манифеста, одобряет его, поправки»¹⁷³. 10-го декабря в работу над манифестом включается Сперанский: «Сперанский, изложи ему всё, читаю ему всё, берётся за 2 манифеста»¹⁷⁴. Здесь не ясно, о каких двух манифестах идёт речь: очевидно, один из них – это манифест о вступлении Николая на престол. 11-го декабря Сперанский вновь у Николая с проектом

¹⁶⁸ Записные книжки... С. 743.

¹⁶⁹ Там же. С. 676.

¹⁷⁰ Там же. С. 677.

¹⁷¹ Там же. С. 682.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же.

манифеста: «Очень хорошо, за исключением мелких поправок»¹⁷⁵. Николай читает проект Карамзину, который «не одобряет его отчасти, слишком холодно, хочет, чтобы там было больше сказано об Ангеле»¹⁷⁶. По записи от 12-го декабря можно сделать вывод, что в этот день манифест уже был готов: «Читал 2 окончательных манифеста со Сперанским»¹⁷⁷. Таким образом, несмотря на сложившуюся ситуацию с Константином, который не желал публично объявить об отказе прав на престол и передачи его великому князю, Николай заранее позаботился о манифесте, который бы объяснил положение вещей и провозгласил его восшествие на престол.

Судя по Записным книжкам, самым трудным в этот период для Николая стал день 12-го декабря. Он в этот день запишет: «Какой день, великий Боже, для меня, день решающий для моего существования, и именно в это число! (это был день рождения Александра)»¹⁷⁸. Действительно, этот день стал решающим для Николая. Ему впервые сообщили о существовании заговора декабристов – он записывает в книжку: «Ужасный заговор, надо принять решительные меры <...> Перовский взялся следить за Муравьёвым»¹⁷⁹. В этот день же окончательно решилась судьба престола. Николай поясняет: «Решающий курьер от Константина»¹⁸⁰. Константин прислал письмо, о котором Николай запишет: «Очень дружеское, но решающее»¹⁸¹.

В этот день Николай также сообщает: «Ростовцев с письмом»¹⁸². В данной записи речь идёт о подпоручике лейб-гвардии Егерского полка, старшем адъютанте дежурства гвардейской пехоты Я.И. Ростовцеве, который 12-го декабря пришёл к Николаю с письмом, сообщавшем о существующем заговоре. В письме он давал понять великому князю, что против него существует заговор и что принимать престол в сложившейся ситуации опасно и для Николая и для всего государства¹⁸³. События этого дня окончательно решили судьбу политического кризиса.

13-го декабря Николай оставляет последнюю короткую запись: «Встал в 8, Перовский, уходит, Нессельроде, говорил, уходит»¹⁸⁴. В предисловии к научному

¹⁷⁵ Записные книжки... С. 684.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же. С. 685.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ См. подробнее: Гордин Я.А. Указ. соч. Л., 1989. С. 140.

¹⁸⁴ Записные книжки... С. 685.

изданию авторы отмечают, что оборвавшаяся так на полуслове последняя запись даёт основание предположить, что записи за прошедший день Николай делал утром следующего дня. Вероятно, запись от 13-го декабря он начал утром 14-го, но в тот момент великому князю было уже не до дневника. Иных объяснений авторы не находят, поскольку 13-го декабря прошло довольно спокойно¹⁸⁵.

Таким образом, Записные книжки детально отражают жизнь Николая и его окружения. Автор считает важным и нужным зафиксировать все, будь это погода, поездка или встреча. Николай описывает как своё состояние здоровья, так и близких ему людей. Для записей характерна чёткость и лаконичность. Очень важным великий князь считает указать имена тех, с кем он контактировал в каждый конкретный день, или даже имена дам, с которыми ему довелось танцевать на балу. Записи Николая настолько подробны, что исследователь может узнать даже имена лошадей, на которых Николай совершал выезды. Кроме того, «Записные книжки» являются прекрасным источником для характеристики личности Николая. Он предстаёт человеком, который любит порядок, аккуратность, дисциплину, требует исполнения указаний. Если этого не происходит или что-то идёт не по правилам, в Николае проявляются такие качества, как вспыльчивость и гнев. При этом он способен вполне осознавать, что он сделал, дать оценку своим поступкам и раскаяться в них. По-другому будущий император раскрывается в записях, относящихся к людям, которые заслужили его доверие: они могут рассчитывать на заботу и участие в их судьбе со стороны великого князя, на помощь и сочувствие. В «Записных книжках» Николай предстаёт заботливым, любящим семьянином: ни одна запись не обходится без упоминания о членах семьи, детях, близких родственниках. Всё это, несомненно, делает записные книжки великого князя очень ценным источником николаевской эпохи. У исследователя есть возможность стать свидетелем недоступных обычному обывателю подробностей жизни великого князя, как то рождение и смерть собственных детей, или здоровье близких. В подобные моменты будущий император предстаёт обычным человеком, супругом и отцом, которому свойственны как негативные, так и положительные черты. Особенно важными являются записи за ноябрь-декабрь 1825 г., когда действия Александра и Константина привели к династическому кризису.

¹⁸⁵ Записные книжки... С. 12.

Глава II. Междоусобица в восприятии окружения Николая I

В предыдущей главе была дана характеристика событий междоусобицы и представлена их интерпретация самим Николаем. Но, очевидно, что данный политический кризис коснулся не только великого князя, но и его ближайшего окружения, представители которого оставили после себя воспоминания о тех днях. Данные источники позволяют в полной мере охарактеризовать, как эти события воспринимались современниками Николая и какие настроения, разговоры, слухи и толки ходили в обществе. Поэтому в данной главе будет дан анализ таких источников, как воспоминания, письма и дневники ближайшего окружения будущего императора с целью понять, как в них отразились события междоусобицы, и какое впечатление они произвели на общество.

2.1. Официальная версия событий междоусобицы: Николай I – редактор книги М.А. Корфа «Восшествие...»

После декабря 1825 г. так и не была представлена официальная версия событий случившегося – сведения об этом можно было почерпнуть только из воспоминаний или устных рассказов участников и очевидцев событий, а также из официальных документов, таких, как, например, манифест о восшествии на престол Николая I. Поэтому со временем появилась необходимость донести до общества и следующих поколений причины, приведшие к восстанию декабристов. Это было поручено сделать М.А. Корфу, который получил доступ в архивы ко всем необходимым для работы источникам. Его сочинение претерпело несколько изданий. В 1848 и 1854 гг. оно издавалось секретно, для узкого круга лиц. Только в 1857 г. было произведено издание труда для широкой публики, получившего название «Восшествие на престол императора Николай I-го».

Корф Модест Андреевич родился 11-го сентября 1800 г. После окончания в 1817 г. Царскосельского лицея он был определён на государственную службу: сначала в Департамент Министерства юстиции, затем в Комитет министров. В 1832 г. М.А. Корфа утверждали в должности управляющего делами Комитета министров, а

уже с 1839 г. он занимает должность государственного секретаря. В 1849 г. М.А. Корф становится директором Императорской Публичной библиотеки, а в 1864 г. его утвердили в должности председателя Департамента законов Государственного совета. По состоянию здоровья 1 января 1872 г. М.А. Корф уходит в отставку.

Автор «Восшествия...» был не только государственным чиновником, успешно продвигающимся по служебной лестнице, но и видным ученым, культурным и общественным деятелем. В 1852 он был избран почётным членом Императорской Академии наук и Императорского Русского археологического общества. Позже он стал почётным членом Общества истории и древностей российских при Московском университете, Одесского общества истории и древностей, а также других российских и зарубежных научных обществ. Корф был одним из членов-учредителей Императорского Русского исторического общества¹⁸⁶.

Занимая такие посты, Корф не мог остаться незамеченным. Не без участия М.М. Сперанского, который обратил на него внимание Николая I, он попал в окружение императора. В 1848 г. ему было поручено написать специальный труд о воцарении Николая I. История этого сочинения началась ещё в 40-х гг. XIX в., когда Николай I поручил Корфу прочесть курс правоведения для великого князя Константина Николаевича. В течение большей части своей жизни М. А. Корф вёл дневник, в котором отразились воспоминания о рождении замысла будущей книги и самого сочинения. Автор вспоминает, как однажды император Николай завёл с ним об этом разговор: «Знаешь ли что, любезный Корф, - сказал государь, - я хочу попросить у тебя большой милости. Ты помнишь, что покойный Михаил Михайлович (Сперанский) при конце воспитания Александра Николаевича (наследника) занимался с ним законоведением; хочешь ли ты много обязать меня, взявшись за это дело с Константином Николаевичем?»¹⁸⁷. Для Корфа это было неожиданностью, но император уверил его, что знает, кого выбирает: Николай не сомневался, что он усердно и добросовестно отнесётся к этому делу, как и к своим основным обязанностям.

Для занятий с великим князем, касавшихся истории престолонаследия в России, Корф составил очерк, в котором, между прочим, затрагивались и события

¹⁸⁶ См. подробнее: Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи 1802-1917. Библиографический справочник. Европ. ун-т в Санкт-Петербурге. - СПб.: Буланин, 2001. С. 361.

¹⁸⁷ Корф М.А. Записки. - М.: Захаров, 2003. С. 386.

конца 1825 г. В него он включил ранее неизвестные подробности из государственных актов, из рассказов великого князя Михаила Павловича и воспоминаний некоторых сановников, как устных, так и письменных. По мнению автора, данная записка была не очень официозна, поэтому необходимо было получить одобрение на её прочтение от императора. Так как в тот период времени Николай был болен, как сообщает Корф, он не мог предварительно с ней ознакомиться. Поэтому автор решил попросить разрешение у цесаревича, Александра Николаевича. В итоге, как сообщает в своем дневнике Корф, разрешение было получено, а сам цесаревич выразил желание присутствовать при прочтении данного очерка великому князю¹⁸⁸.

Цесаревич выполнил обещание и пришёл на занятие к великому князю. Корф сообщает: «Когда я кончил, цесаревич объявил нам, что он имеет одну чрезвычайную любопытную бумагу, относящуюся к этому же предмету»¹⁸⁹. Речь шла о воспоминаниях императора Николая о событиях 1825 г., написанных в 1831 и в 1835 годах, которые захотел прочесть цесаревич. Видимо, это желание было связано с тем, что воспоминания императора как раз подходили под тематику занятий Корфа с Константином Николаевичем. Корф охарактеризовал воспоминания Николая, заметив, что в них излагались не только факты, но и запечатлены личные впечатления автора.

Александр предложил Корфу использовать воспоминания императора Николая, дополнив их своими материалами и всем тем, что автор посчитает необходимым. М.А. Корф пишет в дневнике, что через некоторое время цесаревич предложил составить «полный и отчётливый рассказ» о событиях конца 1825 г. Автор дневника передает слова Александра, которыми он аргументировал свое предложение: «События эти так важны, что им не должно умирать для истории или, что ещё хуже, переходить в неё искажённым от превратных толков <...> Окончив его [рассказ], мы покажем государю и попросим, чтобы он поправил и дополнил по своим воспоминаниям, и таким образом будет у нас самое достоверное целое, если не для современников, так, по крайней мере, для потомства»¹⁹⁰. Корф отметил, что в разговоре Александр сформулировал главную идею работы, её план, указал на источники, которые могли быть при этом использованы. Автор дневника

¹⁸⁸ Корф М.А. Записки. С. 393.

¹⁸⁹ Там же. С. 394.

¹⁹⁰ Там же. С. 400 – 401.

представляет, что главным инициатором работы выступал Александр, который познакомил Корфа с новыми источниками и в дальнейшем много внимания уделял ходу работы над монографией.

Первый вариант книги «Восшествие на престол императора Николая I» был готов в 1848 г. Его судьба связана с дочерью императора Николая, Ольгой Николаевной. Она высказала пожелание, чтобы труд барона Корфа был напечатан хотя бы в нескольких экземплярах, для членов царской семьи. Эта идея получила одобрение императора и в конце 1848 г. он распорядился об издании. При этом, всё должно было быть сделано в тайне и под наблюдением Корфа, а все экземпляры необходимо было передать лично императору, который затем самостоятельно раздал тому, кому нужно. Книга получила заглавие: «Историческое описание 14-го декабря 1825 года и прешедших ему событий»¹⁹¹.

На этом М.А. Корф не остановился и продолжил собирать свидетельства о декабре 1825 г. До 1853 г. им было выявлено и собрано достаточно много источников, в том числе рассказ митрополита Филарета, рескрипт Константина П.В. Лопухину, выписка императрицы Александры Фёдоровны из её дневника от 14-го декабря 1825 г., заметки генерала Головина, графа Блудова, генералов Бибикова и Зальца и др. Многие свидетельства были получены не без помощи цесаревича. Таким образом, Корфом были собраны многие ценные источники от людей, непосредственно бывшими свидетелями событий конца 1825 г.

Новое доработанное издание работы была отпечатано в феврале 1854 г. вновь в 25-ти экземплярах под названием «Четырнадцатое декабря 1825-го года». Это было второе секретное издание труда. После смерти императора Николая в 1855 г. Корф предложил новому императору представить своё сочинение широкой публике. Как установлено Е.Л. Рудницкой и А.Г. Тартаковским, автор вновь начинает собирать документы, при этом, ему были открыты все архивы с разрешением брать из них любые документы, которые понадобятся для работы. Корф дополнил свою книгу перепиской Николая с Константином Павловичем, показаниями адъютанта А.П. Лазарева, некоторыми сведениями из мемуаров А.Х. Бенкендорфа¹⁹². Распоряжение о начале печати нового издания было дано Александром II в апреле 1857 г., и к лету того же года она была отпечатана в типографии II Отделения тиражом в 8 тыс.

¹⁹¹ См. подробнее: 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 18.

¹⁹² 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 18 – 25.

экземпляров под новым названием – «Восшествие на престол императора Николая I-го»¹⁹³.

В работе М.А. Корфа над сочинением «Восшествие на престол императора Николая I-го» лично принимал участие Николай I. Он вносил изменения посредством заметок на полях, замечаний, дополнений и комментариев. Эти замечания на книгу Корфа сегодня известны, доступны как исследователям, так и широкому читателю. Они были впервые опубликованы в сборнике Б.Е. Сыроечковского «Междоусобица 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи» в 1926 г. Как установил Б.Е. Сыроечковский, непосредственно работавший с оригиналами заметок, Николай участвовал в работе над рукописью Корфа несколько раз – в 1848, 1849 и 1853 гг. Все исправления, конечно, были учтены Корфом и вошли в окончательный вариант текста сочинения.

Повторно замечания Николая были изданы в сборнике Е.Л. Рудницкой и А.Г. Тартаковского «14 декабря 1825 года и его истолкователи». Поскольку событий междоусобицы касаются замечания, сделанные Николаем на издание 1848 г., то именно на данные исправления будет обращено основное внимание в данном параграфе.

Замечания Николая были различны. Порой они не вносили существенных изменений в текст рукописи, а были просто комментарием к описанному событию. Например, в сочинении Корфа можно встретить рассуждения о причинах, по которым манифест об отречении Константина оставался в тайне. В нем автор утверждал, что Александр этого не сделал, так как опасался отказа Николая от престола, если это будет объявлено официально. Этот текст Николай сопроводил таким комментарием: «Я не иначе могу себе изъяснить сие молчание пред нами, как опасением Государя, что я последую примеру старшего брата»¹⁹⁴. Из этого замечания проясняется, что Николай согласился с интерпретацией этого факта Корфом. Автору «Восшествия...» не пришлось вносить коррективы, так как Николай подтвердил точку зрения Корфа.

Часто замечания Николая серьезно влияли на изменение Корфом текста сочинения. Например, значительные изменения претерпело описание события, связанного с получением известия о смерти Александра. Изначально, как выяснил Б.

¹⁹³ 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 25.

¹⁹⁴ Замечания Николая I на книгу М.А. Корфа // Там же. С. 342.

Е. Сыроечковский, Корф включил в своё сочинение очень короткий рассказ об этом событии. Конечно, в данном случае не вызывает удивления, почему Николай не удовлетворился лишь несколькими строками: он был непосредственным участником событий, и данный эпизод занимал важное место в событиях междуцарствия. Николай посчитал нужным зачеркнуть этот короткий рассказ и на полях написал: «Это неверно, и чтобы объяснить в той же подробности, как все описано, надо мне будет говорить поневоле о себе»¹⁹⁵.

После этого замечания он поместил на полях подробный рассказ о событиях того дня. Николай уточнил, что вечером 25-го ноября в Аничковом дворце он играл со своими детьми, когда к нему явился М.А. Милорадович с известием о том, что Александр очень плох. Великий князь замечает, что его мысли сразу обратились к матери и к тому, как сообщить ей эту новость. При этом подчеркивает, что Мария Фёдоровна уже знала об известии, поэтому сама послала за Николаем, и он поехал к ней в Зимний дворец. Заметив, что «положение её было столь ужасно» и он не решился её покидать, а остался в Зимнем дворце на всю ночь вместе со своим адъютантом Адлербергом¹⁹⁶.

Этот эпизод в рукописи Корфа претерпел некоторые изменения, о которых Николай не сообщал: как пишет автор, разговор в эту ночь между Николаем и Адлербергом «сосредоточился естественно на полученной из Таганрога вести и великий князь, между прочим, сказал: «Если Бог определит испытать нас величайшим из несчастий, кончиною государя, то, по первому известию, надобно будет тотчас не теряя ни минуты, присягнуть брату Константину»¹⁹⁷. На мой взгляд, это очень важная вставка, сделанная самим Корфом. Источник данного разговора он не сообщает, из чего можно сделать вывод, что этой вставки изначально не было, и появилась она только после того, как Николай внёс уже свои изменения, характеру которых этот разговор как раз вполне соответствовал.

Николай продолжил рассказ о событиях после сообщения о болезни Александра, сообщив, что утром 26-го ноября царская семья получила известие об улучшении состояния императора. 27-го ноября все собрались на молебствие за здоровье императора в ризнице большой придворной церкви, где Николай получает

¹⁹⁵ Замечания Николая I... // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 342.

¹⁹⁶ Там же. С. 343.

¹⁹⁷ Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I-го // Там же. С. 232.

известие от камердинера о курьере из Таганрога, а затем узнает о смерти Александра от Милорадовича. Рассказ Николая заканчивается тем, что Николай идёт вместе с Милорадовичем к Гренадёрскому караулу, чтобы совершить присягу.

Николай считает нужным уточнить некоторые моменты. В труде М.А. Корфа в рассказе о присяге говорится, что она была принесена Николаем, Милорадовичем и находившимися вместе с ними генерал-адъютантами в Большой дворцовой церкви. Николай же сделал на полях заметку: «Сначала шли мы к присяге в Малую церковь, но она, быв в переделке, не была освящена; потому воротились в Большую»¹⁹⁸.

Обширным рассказом предстает и заметка Николая о разговоре с матерью и А.Н. Голицыным после присяги Константину, которой у Корфа не было первоначально¹⁹⁹. Он отметил, что они укоряли его в принесении присяги, потому что был акт, объявляющий великого князя наследником. От князя Голицына последовало требование подчиниться воле императора, выраженной в Манифесте 1823 г. Николай при этом заметил, что речь идет о «неизвестной ему» воле. «Я отверг сие неуместное требование положительно»²⁰⁰, - сообщает в своей заметке на полях Николай. Он по поводу присяги заметил, что исполнил свой долг.

Содержание этого замечания Николая вошло в окончательный вариант текста Корфа без серьёзных искажений смысла разговора, но всё-таки и здесь можно увидеть внесение некоторых коррективов. Краткое замечание о присяге у Корфа превратилось в следующее рассуждение: «Великий князь <...> говорил, что присягою хотел утвердить уважение своё к первому и коренному закону о непоколебимости в порядке престолонаследия, уничтожить самую тень сомнения в чистоте своих намерений и охранить Россию даже от мгновенной неизвестности о законном её государе»²⁰¹. Возможно, указание о том, в каком свете преподнести слова Николая Корф получил от него самого в ходе обсуждения текста сочинения. Пересказ данного разговора заслуживает внимания, особенно в связи с решением вопроса о том, знал ли Николай о существовании акта об отречении Константина, так как во введённом им рассказе он отрицает этот факт.

¹⁹⁸ Замечания Николая I... // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 344.

¹⁹⁹ См. подробнее: Там же.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I-го // Там же. С. 235.

Николай последовательно проводил эту мысль. В первоначальной рукописи после того, как члены Государственного совета узнали и выслушали последнюю волю императора, на заседание явился Милорадович, сообщивший Совету: «Содержание Манифеста вполне известно великому князю Николаю Павловичу, но что он торжественно отрекся от предоставленного ему оным права и первый присягнул на подданство императору Константину, почему ожидает, что и члены Совета последуют его примеру»²⁰².

Николай написал напротив данного отрывка: «Не знаю, с чего гр. Милорадович мог сие объявить, ибо мне содержание Манифеста было вовсе неизвестно, и я первый раз видел и читал его, когда Совет принес его ко мне <... > Ежели б я манифест и знал, я бы и тогда сделал бы то же, ибо Манифест не был опубликован при жизни Государя, а Константин Павлович был в отсутствии, потому, во всяком случае, долг мой и всей России был присягнуть нашему законному Государю»²⁰³.

В тоге первоначальный вариант претерпел изменение и в издании 1857 г. был представлен так: «Милорадович <...> объявил собранию, «что его императорское высочество великий князь Николай Павлович торжественно отрекся от права, предоставленного ему упомянутым манифестом и первый уже присягнул на подданство его величеству государю императору Константину Павловичу»²⁰⁴. Таким образом, из окончательного варианта труда исчез тот факт, что Николаю было известно о содержании манифеста: великий князь ничего не знал об этом, поэтому его присяга кажется правильной и логичной.

И далее вновь Николай отрицает, что знал о существовании бумаг, делающих его наследником. В своём труде Корф цитирует журнал Государственного совета: «Его высочество изволил всему Государственному совету сам изустно подтвердить, что ни о каком другом предложении слышать не хочет, как о том только, чтоб учинить верноподданническую присягу его императорскому величеству <...> что бумаг, ныне читанные в Государственном совете, его высочеству давно известны и никогда не колебали его решимости»²⁰⁵. Напротив слов о том, что содержание бумаг ему давно известно, Николай написал: «Бумаг я не видал, как уже сказано, но слышал

²⁰² Замечания Николая I... // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 345.

²⁰³ Там же. С. 346.

²⁰⁴ Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I-го // Там же. С. 236

²⁰⁵ Там же. С. 237.

от Матушки, что был где-то акт отречения Константина Павловича. О существовании же Манифеста мне никогда ничего неизвестно не бывало»²⁰⁶.

Среди всех замечаний Николая особенно обращает внимание одно из них: «Когда услышали мой решительный отказ и требование присяги, гр. Литта первый сказал: "По воле покойного Государя мы, не присягнувшие Константину Павловичу, признаем вас нашим Государем; вы одни можете нам повелевать, и буде воля ваша непреклонна, мы должны вам повиноваться, но просим, ведите нас сами к присяге", - что я и исполнил с охотой»²⁰⁷. Николай не отрицал, когда его называли Государем! Возможно, здесь Николай был невнимателен, но этот момент может поставить под сомнение его действия в ситуации с манифестом. Корф тоже не обратил на этот момент внимания, поэтому в таком виде данное замечание вошло в окончательный текст.

В замечаниях Николая, как и в «Записных книжках», также передаётся его стремление к детализации событий, к более точным характеристикам. Например, изначально у М.А. Корфа ничего не было сказано о его переезде из Аничкова дворца в Зимний после принесённой присяги Константину. Николай же счёл, по-видимому, данный момент очень существенным, так как добавил на полях рукописи: «По неотложной просьбе Матушки, я переехал с женой в Зимний дворец, в комнаты брата Михаила Павловича»²⁰⁸.

Замечания Николая коснулись и получения известия о существовании заговора и тайного общества. В первоначальном варианте сочинения этот момент читался так: «Последнее время жизни императора Александра омрачено было тяжким его сердцу открытием. Ещё за несколько лет перед этим <...> ему известно было, что горсть безумных молодых людей мечтает о преобразовании форм нашего государственного устройства»²⁰⁹. Николай посчитал нужным зачеркнуть эту информацию и уточнить на полях: «По некоторым доводам я должен полагать, что Государю ещё в 1818 году в Москве <...> сделались известными замыслы и вызов Якушкина на цареубийство; с той поры весьма заметна была в Государе крупная перемена в расположении духа, и никогда я его не видел столь мрачным, как тогда»²¹⁰. В итоге Корф добавил данное

²⁰⁶ Замечания Николая I... // Междуцарствие 1825 года... С. 345.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Замечания Николая I... // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 346.

²¹⁰ Там же.

замечание в окончательный вариант, значительно расширив его: было также кратко рассказано о появлении тайных обществ и замыслах их участников о преобразовании государственного устройства, а также о намечающемся цареубийстве, которое так и не было исполнено²¹¹.

Свои замечания Николай оставил и на события дня 14-го декабря. В некоторых из этих замечаний прослеживается стремление императора возвысить своё место и роль в этот день. Так, например, после рассказа о чтении Николаем народу манифеста перед дворцом он добавил на полях рассказ о появлении офицеров Веригина и Бедряги, заменив им момент появления генерал-майора Стрекалова с докладом, что первый батальон Преображенского полка готов: «Покуда я был один, - сообщает Николай в замечаниях, - ко мне подошли два человека <...> это были отставные израненные офицеры Веригин и Бедряга; последний сказал мне: «Знаем, Государь, что в городе делается; мы старые раненые офицеры, но покуда мы живы, до вас рука изменников не достанет»²¹². Конечно, это замечания вошло в окончательный вариант текста сочинения. При этом, автором было добавлено после этого: «Другие хватили его руки, фалды мундира, падали на землю, целовали ему ноги. Русский народ вполне выказал тут врождённую ему царелюбивость, то святое, патриархальное чувство, которым искони сильна наша Русь»²¹³. Далее следует похожее замечание Николая на слова о том, что к нему во время поездки к Зимнему дворцу «приближались разные лица с изъявлением преданности», а именно он сделал такую пометку: «Около этого времени подошёл ко мне почтенный старец – ганноверский посланник г. Дёрнберг, во фраке, только с тем, чтоб меня взять за руку в знак всегдашней его дружбы ко мне; а после добрый Н.М. Карамзин в губернском мундире, без шапки, в медвежьей шубе и сапогах сошёл с бульвара, чтоб мне поклониться»²¹⁴. Таким образом, из данных замечаний можно сделать вывод, что император пытался придать своей фигуре значимость, указывая на преданность к нему со стороны подданных, их поддержку и даже обещание защиты.

Не сложно заметить, что с анализом замечаний Николая по поводу манифеста ситуация приобретает совсем иной характер: первоначальная рукопись показывала,

²¹¹ Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I-го // 14 декабря и его истолкователи. С. 249 – 250.

²¹² Замечания Николая I... // Там же. С. 346.

²¹³ Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I-го // Там же. С. 268.

²¹⁴ Замечания Николая I... // Там же. С. 346.

что Николай знал о манифесте. Но тогда это делало бы все действия Николая после получения известия о смерти брата не вполне логичными, даже запутанными. Зачем он сразу присягнул Константину? После внесения изменений мы видим совсем другую картину: Николай не знал ни о манифесте, ни об отречении Константина. Корф представил в качестве официальной версии, что манифест не был обнародован при жизни Александра и не имел законной силы, следовательно, Николай присягнул Константину, чтобы поддержать порядок. Такая интерпретация события произошла исключительно при участии Николая. Возможно, он хотел представить себя в глазах будущих поколений в правильном свете и показать, что следовал лишь установленному порядку, так как он не был официально объявлен наследником престола.

Таким образом, можно говорить о том, что Николай всеми способами старался доказать, что ему ничего не было известно о данном документе, поэтому видно, какие порой большие вставки им производились. Кроме того, Николай стремился дополнить сочинение различными деталями, которые касались его личности и роли в событиях 14 декабря. Следуя этому, автор сочинения дополнял замечания императора различными вставками, отражающими отношение подданных к новому императору. Нужно всегда помнить - Корф писал своё сочинение как нечто, что должно отражать официальную точку зрения, одобренную Николаем. Не случайно в начале издания можно увидеть надпись: «Составлено по высочайшему повелению», поэтому неудивительно, что данный текст был отредактирован лично самими Николаем.

2.2. Междуцарствие в воспоминаниях и эпистолярном наследии ближайшего окружения Николая I

Напряжённый период междуцарствия нашел отражение не только в воспоминаниях Николая, но и в мемуарных и дневниковых свидетельствах его ближайшего окружения. Поэтому в данном параграфе попытаемся, обратившись к этим эго-документам, уточнить, как эти люди восприняли события, предшествующие выступлению 14-го декабря 1825 г. В первую очередь стоит обратиться к воспоминаниям Александры Фёдоровны – жены великого князя.

В течение своей жизни она вела так называемый «Большой дневник», в котором зафиксированы важные события из её жизни. В нём нашел отражение и период междуцарствия, во время которого супругой Николая велись и отдельные записи, получившие название «Краткий дневник». В «Большом дневнике» эти события нашли более полное отражение. Записи за этот период начинаются 27-го ноября с известия о кончине Александра I. Супруга Николая отреагировала на сообщение весьма эмоционально: «Ужаснейшее совершилось! У нас больше нет государя. Ангел действительно стал ангелом на небесах, он у Бога»²¹⁵. Далее она записала: «День этот отмечен в моей жизни чёрным»²¹⁶.

Александра Фёдоровна понимала, что смерть Александра I внесёт сложности в жизнь Николая, что было также отмечено ею в дневнике: «А мой Николай, мой дорогой возлюбленный! Какая это для него потеря и сколько забот несёт она ему»²¹⁷. В своём дневнике она много места отводит мужу, Николаю, на плечи которого в этот период легли большие трудности. В этот же день она запишет: «И как благородно он держал себя, как все на него дивились!»²¹⁸. Для Александры Фёдоровны Николай был не просто супругом, а спутником жизни, которого она всегда поддерживала, которым восхищалась и одобряла его поступки.

Сообщения о событиях в дневнике не всегда совпадают с устоявшейся хронологией, которая отразилась в других источниках, в том числе, в воспоминаниях Николая. Александра Фёдоровна отмечает, что Николай принёс присягу и приказал

²¹⁵ Из дневников Александры Фёдоровны // Междуцарствие 1825 года... С. 83.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Там же. С. 84.

сделать то же другим. Далее она пишет: «В совете было вскрыто завещание государя, где находилась бумага, в которой Константин формально передавал свои права наследования своему брату Николаю»²¹⁹. Но как утверждал сам Николай, сначала он принёс присягу, а заседание Государственного совета, где был вскрыт пакет с манифестом и письмами, состоялось в тот же день, но позже. Из дневника же Александры Фёдоровны можно сделать вывод, что к моменту присяги успело состояться заседание Совета, где Николаю стало известно о документе, который делает его наследником. Вероятно, у супруги Николая события несколько смешались, ведь точно известно, что заседание Совета была позже, о чём свидетельствуют источники.

Александра Фёдоровна воспринимала поступок своего мужа как благородный, потому что далее читаем в записи от 27-го ноября: «Он решил поступить так, как ему приказывала его совесть и его долг»²²⁰. Если допустить, что Николай знал о существовании манифеста о переходе к нему права наследования, то этот поступок, действительно, заслуживает уважения. Николаю ничего не мешало занять престол, но его жена объясняет его поведение следующим образом: «Константин никогда не говорил с ним об этом и никогда не высказывался по этому поводу в письмах»²²¹. Далее Александра Фёдоровна даёт положительную оценку поведению мужа: «Он сделал это с таким великодушием, с таким благородством, которые пребудут замечательными, и, конечно, отошедший от нас ангел был бы им доволен»²²².

Александра Фёдоровна в дневниковой записи от 29-го ноября выразила своё мнение о состоянии общества в то время: «Как всё запуталось! Бедная Россия представляется поражённой, убитой молнией, покрытой траурным флером. Повсюду царит зловещая тишина и оцепенение; все ждут того, что должны принести с собой ближайшие дни»²²³.

После известия от Константина, полученного 3-го декабря, в котором он сообщает, что всегда желал и до сих пор желает отречься от престола, Александра Фёдоровна уже точно уверена и знает, что будет дальше, что предстоит ей и Николаю, хотя всё ещё окончательно не решено. 3-го декабря она оставляет запись:

²¹⁹ Из дневников Александры Фёдоровны // Междуцарствие 1825 года... С. 84.

²²⁰ Там же.

²²¹ Там же.

²²² Там же.

²²³ Там же. С. 84 – 85.

«Какие решающие дни! Я уже грущу при мысли о том, что мы больше не сможем жить в нашем доме <...> что наша прекрасная частная жизнь должна окончиться!»²²⁴. И далее читаем: «Мой жребий всё же прекрасен. Я буду и на троне только его подругой!»²²⁵. Таким образом, Александра Фёдоровна уже предвидела итог всех происходящих событий, и даже несмотря на то, что это будущее её пугало и тревожило, она была готова принять этот жребий.

6-го декабря Александра Фёдоровна делает запись в дневнике, которая передает тревожное ожидание, связанное с отказом Константина принять участие в разрешении сложившейся ситуации, названной исследователями династическим кризисом: «Чем дальше длится такое положение, тем оно становится опаснее. Общество поражено тем, что император Константин не приезжает лично; эта длительная неизвестность – волнует, и присутствие Константина совершенно необходимо: без него ничто не может уладиться достойным образом»²²⁶.

10-го декабря супруга Николая сообщает, что 7-го декабря царская семья получила от Константина письмо для Марии Фёдоровны и копию письма, адресованного председателю Государственного совета П. В. Лопухину, в котором цесаревич обвинял Совет в нарушении воли Александра и настаивал на своём решении. Причём, тон письма был, по мнению супруги Николая, настолько не подобающим для Константина, что это рисует «самого Константина <...> в дурном свете»²²⁷. Как известно, речь идет о резком отказе. В результате было решено пока всё оставить в тайне и подождать ещё одного ответа из Варшавы.

Как пишет Александра Фёдоровна далее, если же и этот ответ не удовлетворит царскую семью, т.е. Константин в очередной раз откажется приехать, то «Николаю не остаётся ничего иного, как издать манифест, в котором он <...> провозгласит себя императором»²²⁸. Она считает, что это возможно будет сделать, объяснив положение вещей, представив этот вариант в качестве выполнения воли покойного императора. Из этой записи следует, что работа над манифестом о восшествии на престол началась заранее. Александра Фёдоровна по этому поводу замечает: «Он сам его

²²⁴ Из дневников Александры Фёдоровны // Междуцарствие 1825 года... С. 85.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Там же. С. 86.

²²⁷ Там же. С. 86 – 87.

²²⁸ Там же. С. 87.

составил, обсудил его с Карамзиным и дал его для редактирования Сперанскому»²²⁹. Эта информация совпадает с той, которая была получена при анализе записных книжек Николая.

12-го декабря ответ от Константина, наконец, был получен. Судя по всему, эту запись Александра Фёдоровна сделала в этот день, так как её первая часть очень эмоциональна и описывает переживания будущей императрицы: «Сердце моё мучительно сжимается. О, Господи, дай мне силы! Мы, бедные люди, так легко поддаёмся волнению, теперь же приходится переживать больше, нежели обыкновенно!»²³⁰. Далее, сделав указание: «Получасом позже», она продолжает: «Итак, впервые пишу в этом дневнике как императрица»²³¹. Эта запись свидетельствует, что Александра Фёдоровна восприняла полученное письмо от Константина как решающий документ, который означал неизбежность восшествия на престол Николая.

Следующая запись датирована уже 15-м декабря, но Александра Фёдоровна также описала день и ночь 13-го декабря. Она сообщает, что вечером Николай отнёс законченный манифест о своём восшествии на престол в Совет, где его провозгласили императором. Несмотря на то, что она уже с начала декабря понимала, какое будущее ждёт её и Николая, всё равно в её записях нашла отражение тревога по поводу будущего её семьи: «Нас поздравляли; я всё время говорила, что нас скорее нужно жалеть»²³². Позже, по сообщению Александры Фёдоровны, когда ночью, оставшись одна, она плакала у себя в кабинете, туда вошёл Николай, и, встав на колени, сказал ей: «Неизвестно, что ожидает нас. Обещай мне проявить мужество, и если придётся умереть, - умереть с честью»²³³. Очевидно, что эти слова были сказаны в связи с получением письма от Я.И. Ростовцева и донесение от генерала Дибича, в которых сообщалось о заговоре против императора и монархии²³⁴.

Таким образом, в дневнике Александры Фёдоровны нашло отражение восприятие ею положения, в котором находилась царская семья в период междуцарствия. Это очень эмоциональные записи, передающие тревогу и печаль

²²⁹ Из дневников Александры Фёдоровны // Междуцарствие 1825 года... С. 87.

²³⁰ Там же.

²³¹ Там же.

²³² Там же. С. 87 – 88.

²³³ Там же. С. 88.

²³⁴ См. подробнее: Гордин Я. А. Указ. соч. С. 135 – 140.

человека, который их писал. Конечно, по-другому быть не могло, потому что записи делались любящей женой и спутницей жизни Николая, его «вторым я», как сама себя определяла Александра Фёдоровна. Ей была не безразлична судьба её супруга, поскольку существование семьи, их детей зависело от исхода событий тех дней, сулило либо счастье, либо трудности, а в какой-то момент допускалась даже возможность гибели. Жена будущего императора достаточно точно зафиксировала в своём дневнике события тех дней и свое восприятие происходящего.

Дневниковые записи оставила и Мария Фёдоровна – мать Николая Павловича. К сожалению, в период с 27-го ноября по 13-е декабря она не вела записей, хотя, видимо, планировала делать это, так как присутствуют записи за 24-26-е ноября. Б. Е. Сыроечковский, который работал с рукописью дневника, отметил, что по окончании дня 26-го ноября в нем проставлена дата по-французски: «27 ноября, пятница»²³⁵. После этого следуют 20 чистых листов без единой записи. При этом, 25-го ноября Мария Фёдоровна записала: «Этот ужасный вечер был предвестником страшного утра 27-го; я не в состоянии его передать»²³⁶. Как считает Б. Е. Сыроечковский, записи были сделаны не в тот день, под которыми они указаны, а либо 27-го ноября, либо позднее²³⁷. С данным выводом исследователя стоит согласиться, так как 25-го ноября ещё не было известно о кончине Александра, которую, несомненно, имела в виду императрица-мать.

Почему Мария Фёдоровна так внезапно прекратила вести дневниковые записи? Это вполне можно объяснить её состоянием: она пребывала в тревоге с того момента, когда стали приходить известия о состоянии здоровья Александра. 24-го ноября она записала: «Так как я по-прежнему находилась в смертельной тревоге, мои дети провели этот день у меня; я не выходила, каждое движение заставляло меня вздрагивать в ожидании известий»²³⁸. На следующий день, 25-го ноября, Мария Фёдоровна получила известие о состоянии старшего сына, врачи которого хоть и не теряли надежды, но и не скрывали, что состояние императора остается очень тяжелым. В связи с этим она сделала такую запись: «Признаюсь, при этом ужасном известии меня охватило отчаяние; перо не в силах выразить эту скорбь»²³⁹.

²³⁵ Из дневников Марии Фёдоровны // Междуцарствие 1825 года... С. 94.

²³⁶ Там же. С. 98.

²³⁷ Там же.

²³⁸ Там же. С. 97.

²³⁹ Там же. С. 98.

Таким образом, вероятнее всего, Мария Фёдоровна перестала вести записи после 26-го ноября из-за своего душевного состояния. Даже на известия о состоянии здоровья с её стороны следовала очень болезненная реакция, поэтому вполне очевидно, в каком состоянии она пребывала 27-го ноября и в следующие дни. В такой напряжённый период Марии Фёдоровне было просто не до ведения дневника, а записи, относящиеся к 27-му ноября, как указывал Б. Е. Сыроечковский, были сделаны, скорее всего, позже.

Воспоминания о периоде междуцарствия оставил и великий князь Михаил Павлович. Они были записаны М.А. Корфом по просьбе Михаила в 1847 г. Часть его воспоминаний уже использовалась в первой главе. Рассказ Михаила Павловича о событиях, предшествовавших восстанию декабристов, важен тем, что в то время он находился в Варшаве у Константина, где известие о кончине императора было получено 25-го ноября. Как сообщает Михаил, в эти дни цесаревич был чем-то подавлен и пребывал в плохом расположении духа, часто не выходил к столу, а на последовавшие в связи с этим вопросы отвечал, что ему нездоровится. Через некоторое время великий князь стал замечать фельдъегерей, приезжающих из Таганрога. Константин Павлович объяснял это тем, что император всего лишь утвердил награды дворцовым чиновникам.

Причины странного поведения Константина раскрылись 25-го ноября. Вечером в этот день цесаревич пришёл к Михаилу и сообщил: «Мы потеряли нашего благодетеля: не стало государя»²⁴⁰. Великий князь вспоминал, что Константин решил сохранять молчание по поводу известий о состоянии здоровья императора, которые и стали причиной подавленного состояния цесаревича. Михаил Павлович объяснял это решение брата тем, что он не хотел «приобщать других к своим страданиям»²⁴¹.

После получения известия о кончине Александра, Константин, как утверждает Михаил, сказал ему: «В намерениях моих, в моей решимости ничего не переменилось, и воля моя — отречься от престола — более чем когда-либо непреложна»²⁴². По указанию цесаревича приступили к написанию писем к императрице-матери и Николаю, в которых подтверждалось его отречение. Именно эти письма были обнародованы вместе с манифестом императора Николая 12-го

²⁴⁰ Воспоминания Михаила Павловича... // Междуцарствие 1825 года... С. 52.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же.

декабря. Михаил вспоминает слова Константина: «Я исполнил свой обет и свой долг <...> я чист пред его [Александра] священной для меня памятью и перед собственной совестью»²⁴³. Чтобы удостовериться в своей решимости родственников в Петербурге, Константин решил послать туда Михаила, который отправился в столицу 26-го ноября.

Великий князь сообщает, что его приезд 3-го декабря в Петербург вызвал большой ажиотаж и любопытство, так как он приехал из Варшавы, где, по мнению многих, пребывал новый император. Михаил передаёт ожидание окружающих, которые «искали прочесть в чертах его, в выражении его лица, будущность свою и России, отгадать по виду его слово загадки, которой решение, как никто не сомневался, он с собою привёз»²⁴⁴. На плечи Михаила Павловича легло огромное бремя: он знал, что императором должен стать Николай, что есть официальные документы, подтверждающие это. Но он не мог рассказать об этом, так как в Петербурге уже была принесена присяга, как полагали, законному императору. Такое положение вещей сказывалось на Михаиле – начались разговоры и толки при дворе и в городе: никто не понимал, почему великий князь до сих пор не присягнул новому императору. Именно такое поведение великого князя, как он сам сообщает, стало причиной сомнений в том, что императором будет Константин.

Михаил Павлович, как записал Корф в его воспоминаниях, был недоволен действиями Николая и при первой возможности, когда они остались одни, задал брату вопрос: «Что теперь будет при второй присяге в отмену прежней, и как бог поможет всё это кончить?»²⁴⁵. Николай уверил брата, что раз первая присяга прошла спокойно, то вряд ли стоит тревожиться и о второй. Следовательно, уже в первых числах декабря Николай не исключал возможности второй присяги, по крайней мере, в разговоре с братом.

Михаил Павлович очень точно обрисовал ситуацию, сложившуюся в тот период. Отвечая Николаю, он сказал: «Все знают, что брат Константин остался между нами старший; народ всякий день слышал в церквах его имя первым <...> все издавна привыкли считать его законным наследником <...> Как тут растолковать каждому в

²⁴³ Воспоминания Михаила Павловича... // Междуцарствие 1825 года... С. 53.

²⁴⁴ Там же. С. 54.

²⁴⁵ Там же. С. 55.

народе и в войске эти домашние сделки и почему сделалось так, а не иначе?»²⁴⁶. Даже Михаил Павлович понимал и отмечал, что это домашняя сделка, о которой знал ограниченный круг людей, а все остальные были не подготовлены к такому развитию событий, особенно общество, которое считало Константина цесаревичем.

Великий князь в своих воспоминаниях передавал, что его положение становилось всё более затруднительным из-за слухов, всё больше распространявшихся в столице: «По наружности выходило, что брат государев представляет собою как бы явный пример непокорности»²⁴⁷. Чтобы избавиться от такого положения, он решил с согласия матери и брата отправиться в Варшаву за окончательным ответом Константина.

Как рассказал Михаил, он выехал из Петербурга 5-го декабря. По пути ему встретился адъютант Николая А. П. Лазарев, который ещё раньше был послан в Варшаву с известием о присяге Константину, и теперь возвращался назад с его отказом от титула и присяги. В 320 км от Петербурга, на станции Ненналь, Михаил, по его словам, решает остаться здесь и ожидать ответа из Варшавы на последние письма, посланные из Петербурга. Пробыв в ожидании ответа более недели, 13-го декабря великий князь получил известие из Петербурга, содержание которого он сообщил в воспоминаниях: «Оказалось, что фельдъегерю, который вез окончательный и уничтожавший уже все колебания ответ цесаревича, было дано направление по другому тракту»²⁴⁸. Таким образом, у великого князя не было возможности познакомиться с ответом Константина, и его пребывание на станции было пустой тратой времени.

По сообщению Михаила Павловича, ему предписывалось возвратиться в столицу на заседание Государственного совета в 8 часов вечера 13-го декабря. Но так как он получил известие только 13-го числа не прежде двух часов пополудни, он не успел бы вернуться в Петербург к назначенному времени. Поэтому, выехав со станции Ненналь, он был в Петербурге только утром 14-го декабря. Направляясь в Зимний дворец, Михаил Павлович, по его словам, удивлялся, что «в городе в такой день всё так тихо и спокойно»²⁴⁹. Как далее повествует великий князь, он явился во

²⁴⁶ Воспоминания Михаила Павловича... // Междуцарствие 1825 года... С. 55.

²⁴⁷ Там же. С. 56.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Там же. С. 57.

дворец, где встретился с Николаем, который его заверил, что пока всё идёт благополучно, войска присягают и нет никаких беспорядков. На это, как указано в воспоминаниях, Михаил ответил: «Дай Бог <...> но день ещё не кончился»²⁵⁰.

Воспоминания великого князя Михаила Павловича представляют собой ценный источник, так как они повествуют о событиях начала междуцарствия в Варшаве, где о кончине Александра узнали прежде столицы. Это один из немногих источников, показывающий положение вещей, сложившихся в польской столице и то, как себя вёл и что чувствовал Константин в эти дни.

Ещё одним близким человеком к царской семье, который оставил воспоминания о периоде междуцарствия 1825 г. был принц Евгений Вюртембергский - племянник одного из братьев императрицы Марии Фёдоровны. Он находился в России в ноябре 1825 г. и оставил об этом воспоминания. Евгений описал день 27-го ноября, начав с известия о молебствии за здоровье императора в церкви Зимнего дворца. По его словам, он вместе с Марией Фёдоровной, Николаем и его супругой находились в особом помещении, которое было отделено от остального пространства церкви. В это особое помещение вела стеклянная входная дверь, напротив которой стоял Евгений и видел коридор, соединяющий церковь и дворцовые покои. Вот как он описал важный момент появления Графа Милорадовича: «Молебен кончался, когда я увидел в коридоре военного губернатора гр. Милорадовича <...> Я тотчас вынул носовой платок из кармана, сделал вид, будто у меня потекла кровь из носу, и, направляясь к выходу, тихонько тронул великого князя. Он быстро повернулся, заметил графа Милорадовича, опрометью выбежал из церкви и вместе с ним исчез»²⁵¹.

Это событие описано по-другому самим Николаем. Например, в сочинении М. А. Корфа, дополненного замечаниями Николая, указывалась, что, действительно, из ризницы (по-видимому, об этом помещении писал принц) в переднюю вела стеклянная дверь. «Великий князь <...> приказал старому камердинеру императрицы, Гримму, в случае если бы приехал новый фельдъегер из Таганрога, подать ему знак в эту дверь»²⁵², - сообщает Корф. Николай дождался знака, вышел из ризницы и встретил Милорадовича в другом помещении. Как видим, Евгений был прав насчёт

²⁵⁰ Воспоминания Михаила Павловича... // Междуцарствие 1825 года... С. 57.

²⁵¹ Из воспоминаний принца Евгения Виртембергского // Там же. С. 107.

²⁵² Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I-го // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 233.

стеклянной двери, через которую можно было подать знак. Но с остальной информацией, сообщённой в воспоминаниях принца, сложно согласиться. Подал знак камердинер императрицы. Это, можно подтвердить дневниковой записью Николая от 27-го ноября: «Молебен как вчера, во время Тедеум Гримм стучится в дверь, выхожу сразу, в библиотеке моего Отца, Милорадович»²⁵³. Таким образом, вероятнее всего, не Евгений обратил внимание Николая на пришедшего Милорадовича. Возможно, принц хотел немного преувеличить свою роль в происходивших событиях.

Далее принц Евгений сообщал, что Николай поспешил присягнуть Константину, потянув за собой и Евгения: «Вместе с великим князем я помог тётушке подняться на ноги <...> Как вдруг великий князь повлѣк меня от неё прочь, сказав: - Идѣм присягать!»²⁵⁴. То, что вместе с Николаем совершать присягу пошёл и Евгений, зафиксировано в дневниковых записях Николая: «В сопровождении Милорадовича и Евгения в церковь принести присягу»²⁵⁵.

Принц писал, что в Государственном совете были недовольны присягой Николая. Он так описал реакцию Николая на известие о существовании бумаг, делающих его наследником: «Великий князь возражал на это, что он не примет правления, пока старший брат не возобновит своего отречения <...> и распорядился о немедленном продолжении присяги»²⁵⁶. Евгений высказал мнение, что такая поспешность свидетельствовала только о благородном сердце Николая²⁵⁷.

Из воспоминаний Евгения Вюртембергского можно получить представление, как исследуемый период воспринимался политическим верхами. Принц отмечал, что сановниками было предложено организовать временное правительство, пока Константин Павлович не объявит своего окончательного решения. Но этот вариант отвергли, и Евгений указал причину: «Николай Павлович не желал, чтобы законный, по его мнению, государь поставлен был в необходимость считать себя чем-либо ему обязанным, тогда как он исполнил только свой долг»²⁵⁸. Неизвестно, правда ли было предложено создать временное правительство, так как принц предупредил, что не может отвечать за достоверность данной информации. Но это свидетельствует о том,

²⁵³ Записные книжки... С. 674.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Из воспоминаний принца Евгения Виртембергского // Междуцарствие 1825 года... С. 108.

²⁵⁷ Там же. С. 109.

²⁵⁸ Там же.

что ходили разные слухи и мнения, которые дискредитировали царскую семью в глазах общества.

Для Евгения очевидна причина подобных настроений, о чём он отмечает в воспоминаниях: «Несомненно, что вся неясность произошла только оттого, что отречение Константина Павловича не было обнародовано при жизни покойного государя»²⁵⁹. Таким образом, принц Евгений понимал, что если бы соответствующие акты были обнародованы при жизни Александра, не сложилось бы такой напряжённой политической ситуации. Он и далее передавал читателям своих воспоминаний различные версии будущих событий, которыми с ним делились сановники. По словам принца, кто-то полагал, что в итоге Константин одумается и не сможет отказаться от власти. Другие были уверены, что он не откажется от своего решения и новым императором станет Николай. Некоторые считали, что может быть и третий вариант: «Немногие <...> передавали мне, что правление может перейти к императрице-матери. Мне намекали, что оба сына, в нерешимости своей, предложат ей принять бразды правления»²⁶⁰.

Принц Вюртембергский писал, что однажды ему довелось встретить в приёмной у Марии Фёдоровны графа Милорадовича, который завёл с ним разговор о передаче престола Николаю. Граф сказал принцу, что в гвардии силён авторитет Константина, и такое положение вещей вызывало у него беспокойство успешного окончания сложившейся ситуации. Принц был удивлён, так как ожидал, что если Константин будет настаивать на своём решении, то передача престола произойдёт естественным образом, и гвардия не может иметь к этому отношения. Евгений привел ответные слова Милорадовича: «Совершенно верно <...> ей бы не следовало тут вмешиваться, но она испокон веку привыкла к тому и сроднилась с такими понятиями»²⁶¹.

Евгений так сформулировал своё отношение к создавшейся ситуации междуцарствия: «Я окончательно дал себе слово покинуть эту сцену, лишь только последует развязка драмы»²⁶². Он как и Михаил, считал происходящее игрой, которая происходила в тайне ото всех глаз в царской семье. Всё было театром, драмой, чем-то

²⁵⁹ Из воспоминаний принца Евгения Виртембергского // Междуцарствие 1825 года... С. 109.

²⁶⁰ Там же. С. 110.

²⁶¹ Там же.

²⁶² Там же.

ненастоящим и искусственным. О ситуации с престолонаследием он говорил и с Николем, пытаясь, видимо, призвать его к разумным действиям, если такое ещё было возможно. Он передавал в воспоминаниях слова великого князя: «Мы присягнули, мы знаем, кому повиноваться <...> Я буду повиноваться его [Константина Павловича] приказаниям и моему долгу»²⁶³.

Как пишет принц 13-го декабря императрица-мать лично сообщила ему, что Николай стал императором. Евгений передает разговор, состоявшийся между ним и Николаем после этого. Далее принц в своих воспоминаниях приступил к описанию событий 14-го декабря. В дневнике Евгения Вюртембергского нашло отражение восприятие автором событий междуцарствия. Он фиксирует слухи и мнения, сложившиеся в высших слоях общества в эти дни, с которыми его представители активно делились с принцем.

Важным источником для интерпретации восприятия междуцарствия являются письма членов царской семьи. Они написаны во время или сразу после происшедших событий, а значит, способны более точно передать ощущения и мнения их участников. Помимо писем официального характера между членами царской семьи велась и частная переписка. Прежде всего, следует кратко охарактеризовать переписку Николая с Константином. Кроме двух официальных писем от 26-го ноября Константин направил брату частное письмо. В нем он писал, подтвердив своё решение: «Я не сомневаюсь, что при вашей сердечной и душевной преданности покойному императору, вы точно исполните его волю, и я призываю вас, дорогой брат, во всей точности сообразоваться с тем, что сделано было с его согласия».²⁶⁴

27-го ноября, после принесения присяги, Николай написал Константину: «Предстаю перед моим государем, с присягаю, которою я ему обязан и которую я уже принёс ему, так же как и все меня окружающие, в церкви в тот самый момент, когда обрушилось на нас самое ужасное из всех несчастий <...> Бога ради, не покидайте нас и не оставляйте нас одних!»²⁶⁵. В следующем письме, которое он написал, не получив ещё известий от Константина, Николай сообщал брату: «Мы все ожидаем вас с крайним нетерпением; совершенная неосведомлённость, в которой мы находимся, о

²⁶³ Из воспоминаний принца Евгения Вюртембергского // Междуцарствие 1825 года... С. 110.

²⁶⁴ Из переписки Николая I и Константина Павловича // Там же. С. 141.

²⁶⁵ Там же. С. 141 – 142.

том, что вы делает и где находитесь, чрезвычайно тягостна. Присутствие ваше здесь необходимо, хотя бы ради матушки!»²⁶⁶. Оба эти письма передают то состояние неизвестности, в котором пребывала царская семья, только что узнавшая о смерти императора и ожидавшая действий и решений со стороны Константина.

На письмо Николая от 27-го ноября с известием о присяге Константин в письме от 2-го декабря отвечал: «Моё решение – непоколебимо и одобрено моим покойным императором, государем и повелителем. Приглашение ваше приехать скорее к вам не может быть принято мною, и я объявляю вам, что я удалюсь ещё далее, если всё не устроится сообразно воле покойного нашего императора»²⁶⁷. Как видим, Константин был решительно настроен следовать принятому решению отказаться от наследования престола.

3-го декабря в Петербург из Варшавы приехал Михаил с письмами для Николая и Марии Фёдоровны. В ответном письме цесаревичу великий князь писал: «Решайте мою судьбу, приказывайте вашему верному подданному и рассчитывайте на его благоговейное поведение <...> Но сжальтесь над несчастным, у которого нет другого утешения, как в сознании, что он исполнил свой долг и других побудил его исполнить»²⁶⁸. Николай пытался объяснить причину, которая побудила его и других присягать Константину: «И далее, если я ошибся, - я следовал чувству своего сердца, чувству, слишком укоренившемуся с детства, слишком глубоко запечатлевшемуся в моей душе»²⁶⁹. Он хотел уверить брата, что не мог действовать по-другому: «Мог ли я, по человеческим понятиям, поступить иначе? Мог ли я, забывая даже свою честь, свою совесть, мог ли я поставить в тяжкое положение государство, нашу обожаемую родину?»²⁷⁰. Таким образом, Николай уверял брата, что он следовал только благородным чувствам, так как другое поведение могло, по его мнению, подвергнуть опасности государственный строй.

Ответ Константина последовал в письме от 8-го декабря, которое было получено в столице 10-го. В нем, помимо уверения Николая в том, что он может полностью довериться и положиться на цесаревича, Константин Павлович давал совет брату, что необходимо сделать дальше: «Не изменяйте ничего в том, что сделал

²⁶⁶ Из переписки Николая I и Константина Павловича // Междуцарствие 1825 года... С. 142.

²⁶⁷ Там же. С. 143.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Там же.

наш дорогой <...> усопший, и в важных делах, и в мелочах»²⁷¹. Он также советовал Николаю ознакомиться с делами, доверять окружавшим покойного императора людям, не торопиться, быть спокойным и хладнокровным. Константин писал: «Не нужно ничего придумывать: надо идти в направлении, принятом покойным императором, поддерживать и сохранять то, что он сделал и что ему стоило стольких трудов»²⁷². В данном письме Константин обращался к брату уже как к императору, давая понять это и Николаю – по-другому не должно быть, только ему суждено занять престол.

Ещё одним адресатом Константина стала его мать, вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, которая была в курсе всего происходящего в царской семье в последние годы. Как и в случае с Николаем, помимо официального письма Константин направил матери другое письмо, носящее частный и менее формальный характер. Описав печаль и скорбь, которые постигли его с кончиной императора, он сообщал ей: «Если бы я мог следовать лишь голосу моего сердца, я тотчас же отправился бы в Петербург, чтобы броситься к вашим стопам <...> и постараться, если это возможно, успокоить вас в вашей слишком естественной скорби или хотя бы несколько смягчить её»²⁷³.

Константин объяснил невозможность приехать в Петербург существованием непреодолимых препятствий. Под этими препятствиями он имел в виду акт, благодаря которому наследником престола стал Николай, а Константин отрекся от права наследования. Он вновь напомнил об этом матушке, указав также на то, что она, как и Александр, дала на это согласие. Теперь, после кончины государя, Константин должен был исполнить его волю, а о манифесте и письме, в котором эта воля была зафиксирована, он просил сообщить Марию Фёдоровну там, где это было необходимо. Далее он упоминал Николая: «Мой брат, к которому переходит право на наследие наших предков, должен его принять, так как от этих предков он не получил разрешения от него отречься; я же, имея таковое, отрекаюсь с полной верой в будущее»²⁷⁴. После этого от Константина шло предупреждение, что он посетит

²⁷¹ Из переписки Николая I и Константина Павловича // Междуцарствие 1825 года... С. 144.

²⁷² Там же.

²⁷³ Там же. С. 149.

²⁷⁴ Из переписки Константина Павловича и Марии Фёдоровны // Там же. С. 150.

Петербург только после того, как установится должный порядок вещей, то есть, Николай вступит на престол.

Обеспокоенная Мария Фёдоровна, не дождавшись известий от Константина, написала ему письмо, датированное 2-м декабря: «Гнёт моей скорби увеличивается ещё неполучением известий от вас с тех самых пор, как нас поразили этот смертельный удар <...> Приезжайте, ради бога, умоляю вас об этом, это ваш долг – быть здесь!»²⁷⁵.

В этот же день в Варшаве Константин написал ответ Марии Фёдоровне на письмо, посланное ею 27-го ноября. Письмо цесаревича передает его реакцию на присягу, принесённую ему в Петербурге: «Я вижу, что с моим решением не считаются, не взирая на то, что оно было санкционировано манифестом покойного государя»²⁷⁶. Далее в этом же письме он отмечал: «Я не могу рассматривать эту присягу иначе как не имеющую никакого значения»²⁷⁷. И затем вновь от него следовал отказ приезжать в Петербург, пока всё не будет сделано, согласно воле Александра. Почти такое же по содержанию письмо было написано Константином 3-го декабря в ответ на письмо матери от 25-го ноября. В нем он не только подтвердил факт своего отречения, но и высказался критически в адрес Государственного совета, который, по его мнению, настоял на присяге Николая Константину: «Более чем когда-либо я настаиваю на своём отречении, чтобы эти господа не воображали себя вправе распоряжаться по своему усмотрению императорской короной»²⁷⁸.

3-го декабря, получив письма от приехавшего в столицу Михаила, Мария Фёдоровна написала ответ сыну, вновь пытаясь уговорить его вмешаться в создавшуюся ситуацию. Напомнив ему, что он стал императором в связи с присягой, принесённой Николаем, войсками и государственными учреждениями, она сообщала в письме: «Вы не можете отныне действовать иначе, нежели в формах, подобающих этому священному сану; государь же не может обращаться к нации иначе как через манифест»²⁷⁹. И в очередной раз она просила Константина приехать, взывая к его сыновьим чувствам: «Скорбь моя облегчится при виде вас; поверьте мне, дорогой

²⁷⁵ Из переписки Константина Павловича и Марии Фёдоровны // Междуцарствие 1825 года... С. 150.

²⁷⁶ Там же. С. 151.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Там же. С. 154.

²⁷⁹ Там же. С. 152.

Константин, что мне необходимо ваше присутствие, оно придаст мне мужества и восстановит мои силы»²⁸⁰.

Константин в письме от 8-го декабря сообщал, отзываясь о принесённой присяге: «Пусть так, но я всё же не могу и не хочу ничего об этом слышать, так как те права на престол, которые я имел, были получены мною не от них, но от моих предков, перед лицом которых я заблаговременно отказался от этих прав»²⁸¹. Высказав в очередной раз своё мнение насчёт сложившейся ситуации, Константин пришёл к заключению: «Если бы я приехал теперь же, то это имело бы такой вид, будто бы я водворяю на трон моего брата; он же должен сделать это сам, основываясь <...> на завещательной воле покойного государя»²⁸². Это было последнее письмо, полученное от Константина перед восстанием декабристов.

Таким образом, воспоминания и частная переписка являются теми источниками, в которых нашло отражение восприятие событий междуцарствия их главными участниками – великим князем Николаем Павловичем и его ближайшим окружением. Данные источники позволяют уточнить события и факты исследуемого периода. Так, можно сделать вывод, что Николай вряд ли знал о существовании бумаг, делающих его наследником. Из разговора с Александром, произошедшего между ними в 1819 г. он знал, что когда-нибудь ему суждено занять престол, но отсутствие официального подтверждения осложнило ситуацию. Возможно, этим следует объяснить его согласие присягнуть Константину после настойчивой просьбы об этом графа Милорадовича.

Из переписки с членами семьи можно сделать вывод, что Николай пытался аргументировать принесение присяги, ссылаясь на соблюдение установленного порядка престолонаследия и на указание на собственные жизненные принципы: следование чувству долга и стремление сохранить собственную честь. Здесь столкнулись интересы двух братьев: Николая, который пытался сделать всё так, как ему казалось правильным, и Константина, который твёрдо следовал своему решению, подтверждённому официальными бумагами, но известными лишь узкому кругу лиц. В результате царская семья и общество оказалось в критическом положении.

²⁸⁰ Из переписки Константина Павловича и Марии Фёдоровны // Междуцарствие 1825 года... С. 153.

²⁸¹ Там же. С. 155.

²⁸² Там же.

События конца 1825 г. в представленных источниках получили однозначную характеристику: это были напряжённые и тяжелые дни, дни неопределённости для главных участников событий междоусобия и тех, кто был близко знаком со сложившейся ситуацией. Она была настолько неопределённой, что та часть общества, которой хоть что-то удавалось узнать, строило свои предположения о результатах политического кризиса, и в итоге сложившееся положение дало шанс членам тайных обществ осуществить свои планы. Такую интерпретацию событий, приведших к династическому кризису, находим и в источниках личного происхождения, составленных членами царской семьи и людьми из ближайшего окружения.

Заключение

Анализ «Записных книжек» великого князя Николая Павловича дал возможность, прежде всего, получить представление о личности автора – будущего императора Николая I. Это было необходимо для того, чтобы правильно интерпретировать его восприятие описываемых событий. Из записей проступает, что ему были присущи как негативные, так и положительные черты. Записные книжки Николая характеризуют его как человека, строго придерживавшегося установленного порядка и правил. Очевидно, что именно в соответствии со своими жизненными принципами, он попытался в записных книжках оправдать свое поведение после принесения присяги Константину.

Дневниковые записи Николая за этот период уже ведутся по-другому: ранее лаконичные и краткие, после известия о смерти Александра I они приобретают более эмоциональный характер. Для автора уже недостаточно одного оценочного слова «хорошо» или «плохо», чтобы описать своё состояние, как это было ранее. Можно сделать вывод, что Николай стал иначе воспринимать происходящее. Он явно почувствовал свою значимость, поэтому старается не только зафиксировать какой-то факт, а обязательно включает и его осмысление. Николай пытается оправдать факт присяги Константину, далее пишет о невозможности подчинения манифесту Александра даже после знакомства с его текстом.

Записи Николая передают всю последовательность событий периода междуцарствия. В них нашла отражение напряжённость ситуации с Константином, не желавшим приезжать в Петербург, а также зафиксирован процесс работы над манифестом о вступлении на престол. В своём дневнике Николай детально описал события каждого дня, что помогает уточнить или опровергнуть информацию, полученную из других источников.

О верности интерпретации «Записных книжек» Николая свидетельствует его редакционная правка книги М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I-го». Анализ замечаний, которые оставил на полях рукописи Николай, подтверждает справедливость сделанных выводов по поводу его восприятия событий междуцарствия. Выступая редактором книги барона Корфа, он представил осмысление произошедших событий и попытался донести до общества, что, как

сообщал Николая в дневниковых записях, он не мог и не желал исполнять волю Александра, так как на это у него не было законного права. Он считал, что только Константин должен был вмешаться в ситуацию, чтобы ее разрешить. В сочинении Корфа мнение Николая предстаёт в более законченном виде, поскольку он пишет о происходящем спустя годы, по-видимому, обратившись к своим записям. Это позволяет сравнить дневниковые записи и воспоминания Николая спустя двадцать лет и представить ещё более объективную картину его восприятия событий междуцарствия.

Анализ дневников, воспоминаний и эпистолярного наследия царской семьи и ближайшего окружения позволяет сделать вывод о том, что для авторов период междуцарствия воспринимался в качестве напряженных дней неопределённости и ожидания. Они считали их следствием «домашней сделки», под которой подразумевался факт оставления без публичного объявления составление манифеста о передаче права наследования престола от Константина к Николаю. Этот факт, а также нежелание Константина Павловича приезжать в Петербург и разрешить создавшуюся ситуацию, нашел отражение в его переписке с членами царской семьи. Особенного накала это напряжение достигло в последние дни периода междуцарствия, когда открылось существование заговора членов тайных обществ, что было зафиксировано в некоторых воспоминаниях и дневниках. Эти дни оценивались их авторами как решающие и роковые, несущие с собой неизвестность, а сам Николай допускал и трагический исход, что было особенно ярко передано им как в его воспоминаниях, так как в дневнике его супруги, Александры Фёдоровны.

В подобных эго-документах ярче всего отражается интерпретация и восприятие человеком исторических событий и явлений, так как их авторы стремились, как можно более точно зафиксировать всё, что с ними происходило. Это особенно было характерно для личного дневника Николая. Информационная возможность подобных документов велика. Данные источники по-новому позволяют охарактеризовать уже, казалось бы, давно исследованные факты и события именно через восприятие того или иного явления и события его участниками. Источники личного происхождения способны более полно представить картину событий, место человека в них, а также составить характеристику человека.

Перспективность темы заключается в более широком привлечении эго-документов, которые зафиксировали восприятие событий междоусобия не только царской семьей и ближайшего окружения, но и различными социальными слоями общества того времени.

Список источников и литературы

Источники

1. Акт о порядке престолонаследия Павла I от 5-го апреля 1797 года // Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. - СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. - 48 т.: указ. Т. 24. № 17.910. С. 587 – 589.
2. Грамота его императорского высочества цесаревича и великого князя Константина Павловича к покойному государю императору Александру I-му, об отречении его высочества от наследия престола от 14-го января 1822 г. // ПСЗ. Собрание второе.: [С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года]: [В 55-ти т. с указ.]. - СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830-1885. Т. 1. № 1. С. 3 – 4.
3. Манифест покойного государя императора Александра I, утверждающий отречение от наследия престола его императорского высочества цесаревича и великого князя Константина Павловича, и утверждающий наследником его императорское высочество великого князя Николая Павловича от 16-го августа 1823 г. // ПСЗ. Собрание второе. СПб., 1830. Т. 1. № 1. С. 4 – 5.
4. Манифест «О вступлении на престол государя императора Николая Павловича» от 12 декабря 1825 г. // ПСЗ. Собрание второе. СПб., 1830. Т. 1. № 1. С. 1 – 8.
5. Замечания Николая I на книгу М.А. Корфа // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). – М.: Наука, 1994. С. 342 – 354.
6. Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822-1825 / под ред. М. В. Сидоровой, М. Н. Силаевой. – М.: Политическая энциклопедия, 2013. – 904 с.
7. Записки Николая I (Тетради 2-я, 3-я, 4-я) // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). – М.: Наука, 1994. С. 317 – 341.
8. Записки Рафаила Михайловича Зотова. IV – X. (Продолжение) // Исторический вестник: историко-литературный журнал. Т. 65. Спб., 1896. С. 26-50.

9. Воспоминания Михаила Павловича о событиях 14 декабря 1825 г. (Записанные бароном М. А. Корфом) // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / Подгот. к печати Б. Е. Сыроечковский. - М.; Л.: Гос. изд-во (Тип. Печатный двор), 1926. С. 49 – 62.
10. Из дневников Александры Фёдоровны // Междуцарствие 1825 года. С. 80 – 93.
11. Из дневников Марии Фёдоровны // Междуцарствие 1825 года. С. 94 – 103.
12. И воспоминаний принца Евгения Виртембергского // Междуцарствие 1825 года. С. 104 – 124.
13. Из официальной переписки членов царской семьи // Междуцарствие 1825 года. С. 125 – 139.
14. Из переписки Николая I и Константина Павловича // Междуцарствие 1825 года. С. 140 – 147.
15. Из переписки Константина Павловича и Марии Фёдоровны // Междуцарствие 1825 года. С. 148 – 157.
16. Манифест о расторжении брака цесаревича и великого князя Константина Павловича с великою княгиней, Александрой Фёдоровной, и о дополнительном постановлении об императорской фамилии от 20-го марта 1820 г. // ПСЗ. Собрание первое. Т. 37. СПб., 1830. № 28.208. С. 17 – 18.
17. Корф М. А. Записки. – М.: Захаров, 2003. – 720 с.
18. Ответная грамота покойного императора Александра I-го, о согласии его величества на отречение от престола его императорского высочества цесаревича и великого князя Константина Павловича от 2-го февраля 1822 г. // ПСЗ. Собрание второе. Т. 1. СПб., 1830. №1. С. 4.
19. Филарет, митр. Воспоминания, относящиеся к восшествию на престол государя императора Николая Павловича [1845 – 1846 гг.] // Николай I: личность и эпоха. Новые материалы / Под ред. Цамутали А.Н. СПб.: Издательство «Нестор-История», 2007. С. 132 – 156.

Литература

20. Алеврас Н. Н. Историографический текст как эго-документ: к постановке и обсуждению подхода // История в эго-документах: Исследования и источники /

- Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: Издательство «АсПУр», 2014. – 368 с. С. 41 – 54.
21. Боханов А.Н. Император Николай I / А. Боханов. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 499 с.
 22. Василич, Г. Восшествие на престол Императора Николая I: В 2-х ч.: Со многими портр. и рис. / Г. Василич. - М.: Образование, 1910. - 160 с. Ч. 1.
 23. Выскочков Л. В. Николай I. – 2-е изд., доп. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 694 с.
 24. Выскочков Л. В. Записные книжки великого князя Николая Павловича как исторический источник // Петербургский исторический журнал. 2015. №3. С. 231 – 250.
 25. Выскочков Л. В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. – М.: Академический проект, 2018. – 999 с.
 26. Гордин Я. А. Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года. – 2-е изд., перераб. и доп. – Л.: Лениздат, 1989. – 398 с.
 27. Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / Е. Д. Твердюкова [и др.]; под ред. А. В. Сиренова. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 396 с.
 28. Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I-го. Составлено по высочайшему повелению статс-секретарём бароном Корфом. Третье издание (первое для публики). Санкт-Петербург, 1857 // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). – М.: Наука, 1994. С. 207 – 314.
 29. Ляшенко Л. М. Николай I. Случайный император / Леонид Ляшенко. — Москва: АСТ-Пресс, 2013. — 222 с.
 30. Ляшенко Л.М. Декабристы. Новый взгляд / Леонид Ляшенко. — Москва: АСТ-Пресс, 2013. — 237 с.
 31. Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: политическая история России первой половины XIX столетия. – М.: Мысль, 1990. – 235 с.
 32. Мироненко С.В. Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. – М.: Кучково поле, 2016. 400 с.
 33. Олейников Д. И. Николай I / Дмитрий Олейников. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 339 с.

34. Николай I. Муж. Отец. Император. – М.: Слово, 2000. – 616 с.
35. Николай Первый. Рыцарь самодержавия / Сост., вступит. ст. и коммент. Б. Тарасова. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 480 с.
36. Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб.: Издательство «Нестор-История», 2007. – 530 с.
37. Полиевктов М. А. Император Николай I: отгиск из Русского биографического словаря, издаваемого Императорским Русским историческим обществом. — СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1914. — 165 с.
38. Потапова Н. Д. Трибуны сырых казематов: политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов / Наталья Потапова. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. – 416 с.
39. Пресняков А. Е. Апогей самодержавия. Николай I / А. Е. Пресняков. - Ленинград: Брокгауз-Ефрон, 1925. - 99 с.
40. Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года: С прил. воен.-ист. справки Г. С. Габаева "Гвардия в декабрьские дни 1825 года" / Проф. А. Е. Пресняков; Центрархив. - М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. - 226 с.
41. Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев; АН СССР, Ин-т истории СССР. – Москва: Наука, 1975. – 281 с.
42. Репина Л. П. История исторического знания: Пособие для вузов / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.
43. Репина Л. П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение истории. Человек-память-текст: Цикл лекций / Отв. редактор Е.А. Вишленкова. – Казань: Мастер Лайн, 2001. 456 с. С. 334 – 360.
44. Романов Н. М. [Великий князь]. Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Фёдора Козьмича. — СПб.: А. С. Суворин, 1907. — 49 с.
45. Сафонов М. М. Междуцарствие // Дом Романовых в истории России: [Материалы к докл. конф., 19-22 июня 1995 г. / Редкол.: И.Я. Фроянов (отв. ред.) и др.]. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1995. – 294 с.

46. Сафонов М. М. Константиновский рубль и «немецкая партия» // Средневековая и новая история: Сб. науч. ст.: К 60-летию проф. И. Я. Фроянова / [Гос. ком. Рос. Федерации по высш. образованию, Межвуз. науч. программа "Ист. опыт рус. народа и современность"; Редкол.: В. М. Воробьев, А. С. Дворниченко (отв. редакторы) и др.]. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. - 821 с. С. 529 – 541.
47. Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаяев, Л. Е. Гринин. – Волгоград: Учитель, 2014. – 504 с.
48. Троицкий Ю. Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 14 – 31.
49. Устрялов Н. Г. Историческое обозрение царствования Государя Императора Николая I / соч. Н. Устрялова. – Санкт-Петербург: В типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1847. – 175 с.
50. Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской Империи. Главы высших и центральных учреждений, 1802 - 1917: биобиблиографический справочник / Д. Н. Шилов ; Европ. ун-т в Санкт-Петербурге. - СПб.: Буланин, 2001. - 830 с.
51. Шильдер Н. К. Император Николай I: Его жизнь и царствование: С 252 иллюстрациями: [В 2-х т.] / [Соч.] Н. К. Шильдера. - СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1903. Т. 1.
52. Шильдер Н. К. Император Александр I: Его жизнь и царствование: С 450 иллюстрациями: [В 4-х т.] / [Соч.] Н. К. Шильдера. - 2 изд. - СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1904-1905. Т. 4.
53. Эдельман О. В. Воцарение с междуцарствием // Родина. 2009. №3. С. 66 – 69.